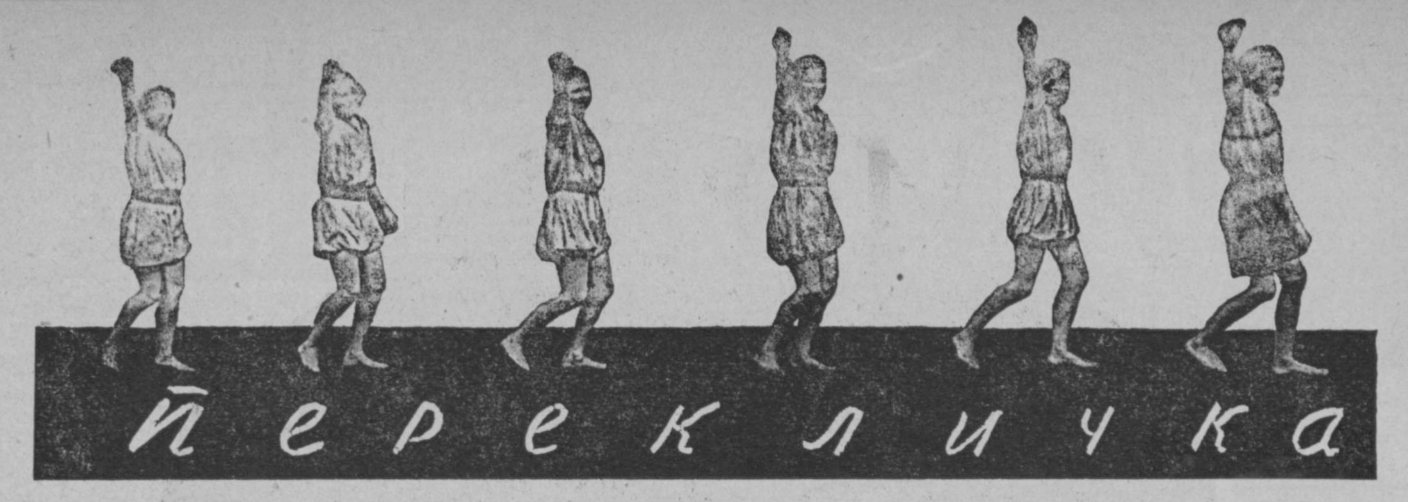
ПИОНЕР

20

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Мне 10 лет

ВОТ КАКОЕ ПИСЬМО ПОСЫЛАЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ВСЕМ ГУБЕРНСКИМ БЮРО ПИОНЕРОВ И РЕДАКЦИЯМ ПИОНЕРСКИХ ГАЗЕТ

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Центральное бюро пионеров совместно с редакцией журнала „Пионер" об'являет по всем организациям ЮП конкурс на лучшую живую газету.

Конкурс будет проводиться по каждой губернии отдельно, что несомненно будет способствовать оживлению этой работы в каждой организации.

Проведение губернского конкурса возлагается на редакцию пионергазеты а если ее нет, то непосредственно на губбюро ЮП.

Редакция газеты или губбюро выбирает лучшую из газет и посылает текст, фотографии, ноты и прочие материалы в редакцию журнала „Пионер". Жюри конкурса, которое в свою очередь из числа присланных отметит 5, выехав на места, премирует из них лучшую.

15 ребят из премированной газеты приезжают в Москву на экскурсию на две недели.

Три лучших газеты будут напечатаны в „Пионере" и изданы отдельной книжкой.

При присуждении премии на губернских конкурсах местные жюри должны обращать внимание на следующие моменты:

1) Отражение живой газетой жизни данного отряда. Острое и верное отражение отрядной жизни—главное достоинство живгазеты.

2) Активное восприятие представления зрителями. Их отзывы о представлении.

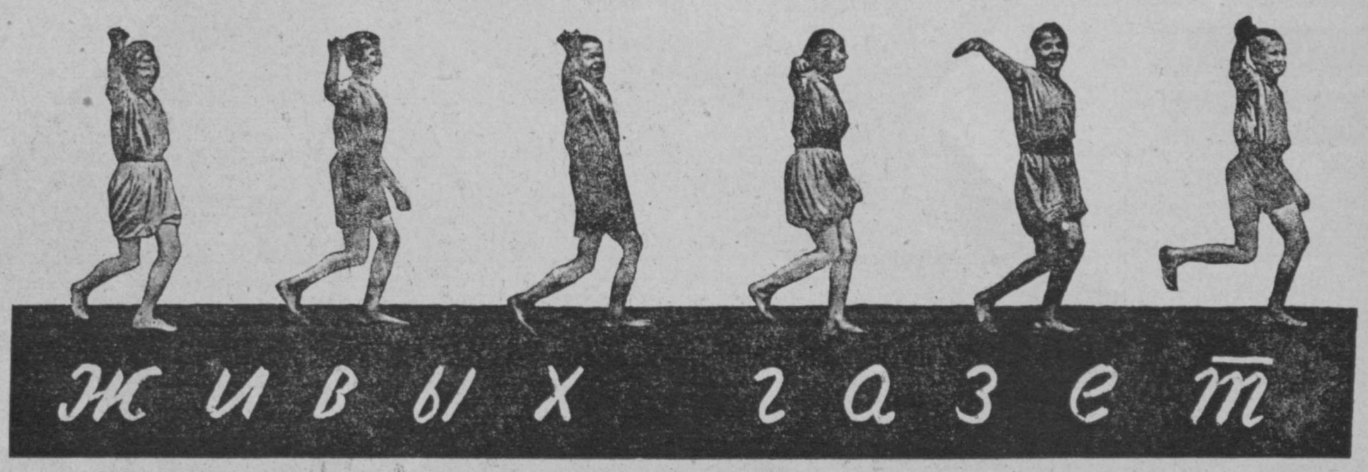
3) Использование газетой живых и веселых форм представления. Отход от шаблона „синей блузы". Отход от бессодержательных движений, никак не подчеркивающих текста. (Произнесение текста под физкультурные упражнения, очень распространенное в живгазетах, должно занимать очень ограниченное место).

4) Отсутствие специфического „актерского" уклона у играющих ребят.

Губернские конкурсы должны быть проведены не позже 15 ноября.

Извещения о ходе работ по конкурсу должны присылаться в редакцию „Пионер", Москва, Новая пл., 6.

Председатель ЦБ ЮП: С. Салтанов *Редактор журнала „Пионер": В. Лядова*

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *Е. Бушуйкина, А. Волков, Н. Крупская, В. Лядова, О. Максина, В. Розин и М. Эпштейн*

ОТВ. РЕДАКТОР: *В. ЛЯДОВА*

Главлит № 99687. 5-я тип. «Транспечати» НКПС. «Пролетарское Слово». Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 21200.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.—3 р. — к.
„ 6 „ —1 „ 60 „
„ 3 „ — „ 85 „
„ 1 „ — „ 30 „

ПИОНЕР

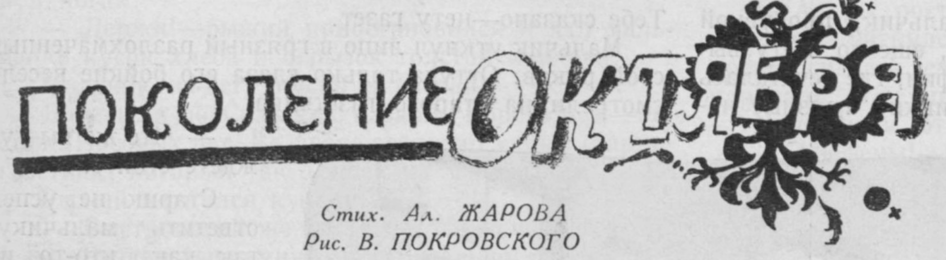
АДРЕС РЕДАКЦИИ
Москва, Нов. площадь, 6/8, Издательство „Молодая Гвардия“
Подписка принимается
В Главной Конторе Периодических Изданий „Молодая Гвардия“, Москва, Тверская, 37

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

№ 20 ОКТЯБРЬ 1927 г.

Стих. Ал. ЖАРОВА
Рис. В. ПОКРОВСКОГО

Иду...
Цветы. Кусты. Овраги.
Деревья. И опять кусты.
Но вот в кустах мелькнули
флаги,
Палаток белые холсты...
Должно-быть—пионерский
лагерь.
Чу!.. пчелы что ли там шумят?
Иду.
Крадусь к палаткам ближе.
И у одной из них я вижу
Десятка полтора ребят.
Сидят в кругу.
Им светит день
Июльским солнцем—жаркой
люстрой...
И вот один, что самый
шустрый—
Гляжу,
Взбирается на пень.
Он говорит:
— Вожатый Лева
Лишь только через час придет,
Я заменю его—и вот.
Товарищи,
Скажу вам слово:
«Десятый год идет с тех пор,
Как мы, рабочие, стряхнули,
Идя на бой под смерть, под
пули,
Самодержавия позор!
Вы помните, конечно, все
Те дни, туманные и злые,
Когда у нас
Городовые
Цвели во всей своей красе?..—
Он продолжал, разгорячась:
— Сожгли мы Мономаха бармы.
Всех генералов и жандармов
История
Втоптала в грязь!
Они в Сибирь ссылали нас,
Они нас голодом морили.
Но в Октябре
Мы победили,
На жизнь и смерть с врагом
борясь!»
Слова бросал парнишка грозно.
Гляжу на остальных ребят:
Они задумчиво-серьезно
В глаза
Оратору глядят.
Я со своей улыбкой был
Таким печально-одиноким.
И—шагом шумным и широким
Тут я
К собранью подступил.
Оно затихло на момент.
Оратор—в легоньком смущеньи.
Его я вопросил в мгновенье:
— Тебе, мальчонок,
Сколько лет?
Скажи, где видел ты живых,
Живых врагов своих немалых?
Ну, этих самых генералов,
Жандармов
И городовых?..
— Мне... десять лет,—он
отвечал,—
Мой брат
Жандармов ненавидел,
Он в Октябре сраженным пал...
А я городовых не видел
И... очень рад, что не видал!—
Захлопали ребята шумно.
Я понял,
Что вмешался зря.
Побрел назад
С отрадной думой
О поколеньи Октября.

ПЕРВЫЙ ПИОНЕР

Рассказ А. АРОСЕВА
Рис. худ. И. ДУБАСОВА

Марьина роща. Тузов тупик. А вот номер дома—забыт. Потому, что дом этот уже разрушен, на истопку соседних домов. Это был даже не дом, а какая-то лачуга, грязными, старыми корнями врезавшаяся в землю, в мусор.

Колька, рябой, белоглазый мальчик, продувной и веселый, ежедневно рано-рано, еще до свету, выходил из дому. Бежал до типографии, где печаталась «Копейка», забирал пахнущие, липкие, грязные номера газет и устремлялся к Трубной площади, к Неглинному проезду, возвещая новости просыпающимся москвичам, получая медную копейку за газетку.

Дома, в лачуге, мальчик жил с неродным отцом, сапожником.

Матери своей и родного отца он не помнил.

Сапожник был слаб здоровьем, раздражителен, худ и высок, как жердь. Впрочем, мальчика он никогда не бил, хотя и не ласкал.

Раз, в грязную осень, омывшуюся косым дождем, мальчик ушел из типографии ни с чем—газета, говорят, не вышла...

«Копейка» не вышла—ладно. Значит нужно бежать в «Русское Слово».

Во дворе, под навесом, где лежала валами рулонная бумага, мальчик услышал легкое поскрипывание ротационных машин в типографии и увидел кучу старых газетчиков.

Прислушался, дыша в иззябшие кулаки.

Самый старый газетчик сутулый—спина, как у слона, обрюзгший старик, заметил мальчика.

— Ты что, оголец?

— Я—газетчик. «Русское Слово» хочу получить.

— Не выйдет.

— А что?

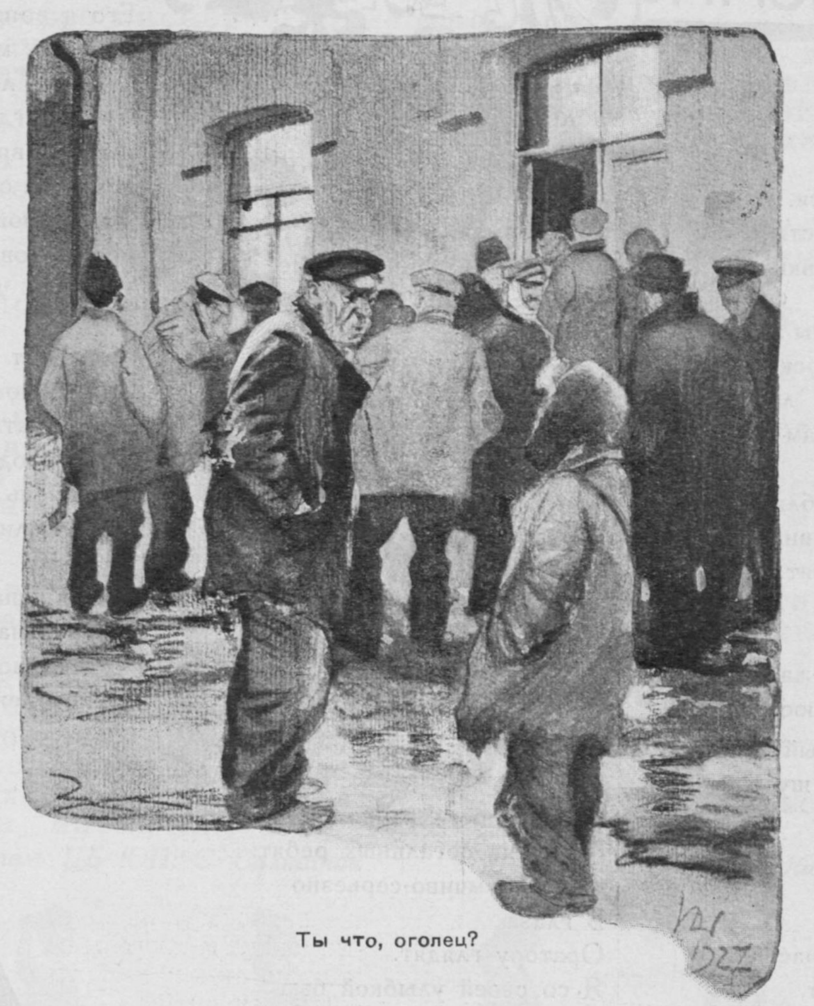
— А то! Марш отсюда! — вдруг обозлился почему-то газетчик.

Мальчик не был трусом. А когда он видел, как приходили в раж старики или старухи, то это его почему-то всегда веселило. А потом это веселье отзывалось какой-то странной, долго непроходящей грустью. Но когда было весело, он не думал о предстоящей грусти.

— Что же, и уйду! Дай только газетку достать.

— А по затылку не хочешь?—злобился старик.—Тебе сказано—нету газет.

Мальчик уткнул лицо в грязный разлохмаченный свой рукав. Оттуда только глаза его бойкие весело смотрели на старого газетчика.

Ты что, оголец?

— Что же вы тут ждете стоите?

Старик не успел ответить мальчику, так как кто-то из впереди стоявших что-то крикнул, и все газетчики двинулись, тесня друг друга, в узкие двери типографии. Почти в тот же миг от типографии бежали уже, сгорбившись и держа неуклюже подмышкой стопки свежих листов, не похожих на газеты.

Мальчик описал по двору круг-маневр, чтобы не заметил его старик, и втолкнулся вместе с другими туда, где выдавали листки. Мальчик знал, как газетчикам выдают газеты, а тут вдруг безо всяких, не спрашивая, кто он, не требуя с него денег, сунули ему пачку листков.

Выбежав с листками на улицу, у непогашенного фонаря мальчик прочитал: «К солдатам»—и потом какие-то слова задиристые, бранчливые.

— Что ж остановился? Беги!—крикнул кто-то мальчику.

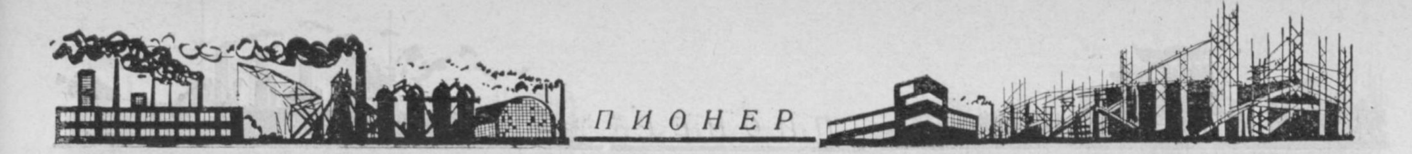
— Куда?

— По казармам. За это заплатят потом. Главное, сейчас раздавай. Скорей!

Кричавший это был газетчик в галошах на босу ногу.

— Беги,—повторил он мальчику,—беги к Спасским казармам.

Рыжий в галошах и мальчик побежали вместе. Восток за домами где-то там начинал отливать металлическим безрадостным блеском.

Мальчик бежал, спотыкался, тяжело дышал, и голод неумолимый, как это утро, стал в нем колом от желудка до самого горла.

— Дяденька!—кричал он мелькавшим впереди галошам,—этак я упаду.

— А что?—отозвались «галоши», продолжая свою бешеную шаркатню по тротуару,—голодно что ли в брюхе?

— Кругом голодно мне: и в брюхе, и в голове, и в ногах.

Держи!—рыжий приостановился и дал мальчонке кусок хлеба и огрызок толстой моркови.

Мальчик на-бегу кусал и глотал.

Добежали до Спасских казарм. Ворота там—настеж. Часовых нет. Во дворе стоял тот самый старик-газетчик, который так злился на мальчика.

Рыжий метнулся к нему:

— Быстроногий же ты, Хрен Иванович! Роздал?

— Роздал,—шамкнул презрительно старик.

Мальчик и рыжий, однако, не могли не видеть, что кипа воззваний, полученных стариком, валялась у его ног. Ветер разносил листы, и начинавший накрапывать мелкий дождичек разрыхлял и без того ветхую бумагу.

— Где же солдаты?—бросил рыжий свой вопрос не старику, а уже пустым расхлябанным окнам казармы.

Рыжий не ожидал получить ответа. Но вдруг послышался голос, как из-под земли:

— Солдаты все ушли сегодня ночью. И с боевыми патронами.

Это говорил каптенармус, вылезая из подвального окна казармы.

По-лягушечьи раскорячившись, он выволок все свое тело из подвала и тут же подобрал гонимый ветром листок прокламации.

— Это к чему же?—спросил каптенармус трех газетчиков.

— Господи, господи,—молитвенно произнес старый газетчик,—бунтует человек. Ушли из казармы. А тут в листках им пишут: «Братская кровь, не выходите из казармов». Бунтует человек. Чего ему мало. Большевицкая, видишь, нужна им жизнь. А не все ли равно? Ведь также будут жить, спать, умирать. Разве большевицкая жизнь веку кому прибавит? Разве...

— Прибавит!—прервал мальчик и речь старика, и благолепное, послушное молчание каптенармуса и рыжего в галошах.

— Ах, ты, пострел!—старик остервенело, с проворством нагнулся за булыжником. Булыжник крепко сидел в земле, а сухие пальцы старика слабо царапали его синими ногтями.

Мальчишка отбежал в сторону.

— Анафемы!—крикнул ему старик, обезнадеживаясь выковырять камень. Его глаза елозили по лицу, по фигуре мальчишки в бессильной злобе, как глаза издыхающей лошади.

— Вот они смутьяны!—крикнул каптенармус. И он и старик бросились к мальчонке. Старик, потерявший мятую, как чепчик, кепку, обнажил свою высокую, как холм, лысину, и походил на легендарного пророка Елисея.

Мальчик видел, как впереди него, за несколько шагов, ползли по мостовой в грязи человек тридцать солдат. С фланга по тротуару то полз, то вставал, продвигаясь вперед вместе с солдатами, офицер. Что это был офицер, мальчик догадался по тому, что слышал его команду и видел, как солдаты его слушаются, перебегая и переползая то вправо, то влево по бульвару.

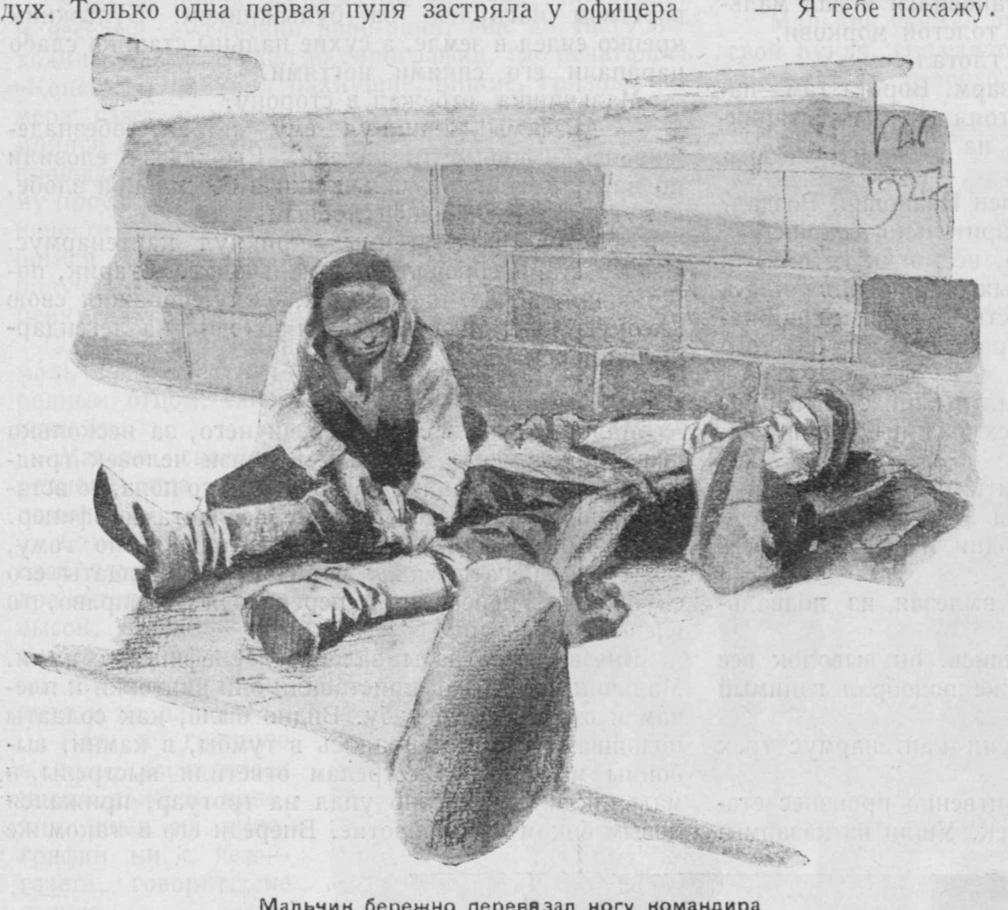
Внезапно солдаты залегли. И офицер с ними. Мальчик видел, как приставили они винтовки к плечам и открыли стрельбу. Видно было, как солдаты подошвами сапог упирались в тумбы, в камни, выбоины мостовой. Выстрелам ответили выстрелы, и мальчик инстинктивно упал на тротуар, прижался левым боком к подворотне. Впереди его в таком же

Внезапно солдаты залегли

положении лежал офицер. Он кричал, стараясь перекричать выстрелы, чтобы солдаты слышали его команду.

Вдруг офицерский крик как-то растянулся. Словно офицер запел, и в ту же секунду голос его иссяк, как ручей в пустыне. Офицер поднял руку, выронил револьвер, перевалился с левого бока на правый, попал в лужу. Лужа расплескалась. И в тот же миг из подворотни, где лежал офицер, один, другой, третий, четвертый прогремели выстрелы—уже в воздух. Только одна первая пуля застряла у офицера в коленной чашечке. Солдаты бросились к воротам. Они оказались запертыми. Солдаты прикладами в доски. Ворота охнули, заскрипели переломанными ребрами. Отворились. Солдаты туда. Глухие выстрелы. Крики. Кого-то ловят. Крики чуть слышны за пальбой, которая трещит по всей улице. Мальчик ползком ближе к событиям.

Мальчик бережно перевязал ногу командира

— Эй, малец!—крикнул ему солдат, вбежавший было и тотчас же вернувшийся из ворот,—беги за лазаретной повозкой. Беги! А то товарищу командиру может быть худо.

Командир отчаянно замахал головой и руками и сказал:

— Ничего! Я сам...

И пополз назад. В руках у него был белый платок. Он махнул им, подал знак, чтобы мальчонка подошел к нему.

— Эй, малый, чего ты тут зря страдаешь: на вот тебе платок, перетяни мне вот здесь, повыше коленки. Я не могу узла завязать, помоги!

Мальчик и командир отползли подальше от того места, где неслись навстречу стаи свинцовых пуль. Мальчик бережно перевязал, туго перетянул ногу командира, снял пальтишко свое в лохмотьях, положил раненому под голову. Раненый тяжело, но уже спокойно дышал. Он поднял револьвер—его он все время держал в правой руке.

— Ты умеешь работать с ним?—спросил командир мальчика.

— Нет.

— Я тебе покажу. Видишь, магазинная коробка свободна. Ты берешь, достаешь...—закряхтел раненый, зашарил у живота, у ремня. Ну-ка, брат, помоги найти. Вот здесь направо. Вот. Ты это держишь обойму. Вставляю ее сюда. Так...

Он не договорил. Среди звуков ружейной и пулеметной пальбы вдруг возник звук тяжелый и какой-то тупой. Словно тараном ударили в стену.

— Ага, у него артиллерия!

— У кого?—спросил мальчик.

— У неприятеля, у юнкеров.

Ударил второй снаряд и, кажется, совсем недалеко шлепнулся.

— Пушка?—спросил мальчик.

— Она самая. Приподыми, я посмотрю.

Мальчик приподнял за плечи раненого.

Ахнул третий удар. Четвертый и еще и еще. Как в гигантский барабан.

Солдат, залегших на улице, уже не было. От них остались двое мертвых, несколько раненых, которые по-смешному, как лягушки, распрыгались в разные стороны по подворотням. Остальные, живые и бодрые солдаты вошли в серый дом, которым оканчивался бульвар, и оттуда, из окон, из всех этажей продолжали свою ружейную перепалку с противником. А противник решил выбивать их пушечными снарядами.

Во второй этаж дома, где сидели солдаты, ляпнул снаряд, взвизгнул последний раз и зашипел. В ту же минуту из окна показался черный густой дым. Потом он поредел и снова, но уже серый, клубами, волнами лениво и нахально стал подниматься к небу.

— Никак пожар?—сказал мальчик и сам заметил, как дрожит неизвестно отчего, но не от холода.

— Да,—сказал командир,—зажгли мерзавцы.

— Зажгли?

— Да, снарядом. На, стреляй в них.

Мальчишка вертел в руках «парабеллум».

Дым в доме хлынул и из третьего этажа. Сквозь хмурую завесу дождя и дыма мальчик увидел, как два солдата один за другим выпрыгнули из четвертого этажа. Один из них горбатым мешком недвижно остался на мостовой, а другой пополз, словно переплывал реку «по-татарски» (лицом уткнувшись в воду).

Командир вдруг встрепенулся. Пополз было. Но силы ослабли. Он опять остановился, лежа на животе, задом к неприятелю.

— Беги скорей, малый, беги... Ты слыхал Совет Рабочих Депутатов?

— Слыхал. Это где прежде жил губернатор?

— Беги, не спрашивай, сломя голову, будь догадливый.

И мальчишка пустился бежать, как-будто у него было двенадцать ног и столько же сердец.

У дома губернатора мальчика остановил солдатский патруль и обыскал. Нашли воззвание «К солдатам», подписанное эсерами.

— Э, брат, ты с белогвардейскими прокламациями. Идем-ка сюда!—и отвели в арестную комнату.

Отвели потому, что мальчик задышался от лютого бега, так что не мог вымолвить ни слова, чтобы об'яснить, кто он, откуда у него воззвания, куда, зачем он бежит.

В комнате, где сидели люди в котелках и студенты, мальчик понемногу пришел в себя. Постучал в дверь. Долго стучал. Подошел к двери матрос с рассеченной и уже зажившей щекой. Рассечина на щеке казалась ниткой, подвязанной через все лицо, чтобы не спадала его матросская шапка. Матрос, недоверчиво глядя на мальчика большими, немного воловьими глазами, выслушал его, его краткую биографию и ссору со стариком, который его чуть не избил, и про выстрелы на бульваре, где лежат раненые, и про загоревшийся дом, где сидели солдаты. Матрос кратко, не торопясь, спросил:

— Не врешь?

— Истинный бог!

— Ха, чудак, и бога приплел. Выходи и айда за мной!

Мальчик в штабе рассказал о пожаре и о раненых. Едва он кончил рассказ, как распахнулась дверь штабной комнаты и вошел пожарный в каске с перебинтованным лицом.

— Тушить невозможно, — рассказывал пожарный с марлей на лице,—стреляют мерзавцы, и пулеметами, и так, и из пушек хлопают—все по дому.

— А дом все еще горит?

— Пылает,—ответил пожарный.

— А можно сломать пушку?—спросил мальчик.

Попробуй, вот тогда от пролетариев медаль получишь,—посмеялся пожарный.

Кто-то пожалел мальчика, понял его голодный вид и дал ему банку мясных консервов.

«А если сломать пушку»,—пришло мальчику в голову. Он опять забеспокоился. И утих. И опять куда-то двинулся. И остановился. Не знал, что сделать с собой.

Наконец, он подошел к тому, кто дал ему консервы, и спросил:

— А как можно сделать, чтобы пушки не стреляли?

— Снять замок,— ответил тот.

А как?

На мальчика глянули два испытующих глаза. И мало-по-малу делались все доверчивее, все добрее эти глаза. Мальчик слушал внимательно, как можно сделать так, чтобы орудие не стреляло.

———

Победоносные солдаты осматривали то единственное орудие, которое служило противнику.

— Попорчена. Видно и из ихних есть кто на нашей стороне.

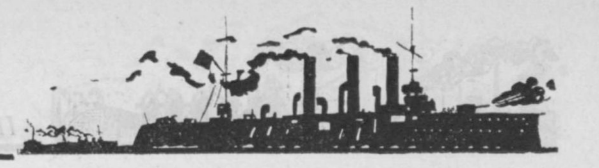
— Мужик-то думал, что барин сильнее его, ан, оказалось неверно, —философствовал какой-то солдат.

— Тише, ты! крикнул кто-то на «философа» не видишь, куда шагаешь?

Рогожа, — сказал было «философ», — м-да, а под рогожей...

Столпилось несколько солдат. Отдернули рогожу. Под ней, кверху лицом с одним открытым глазом — другой был прострелен — лежал мальчик-газетчик, белый, как бумага и холодный, как мрамор.

Под рогожей лежал мальчик-газетчик

ДЖОН ВОРКМАН

Повесть ***ГАНСА ДОМИНИК***
Перераб. с нем. ***М. ГЕРШЕНЗОН***
Фотооформление ***Г. БЕРЕНДГОФА***

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ НОМЕРОВ

Чарли Бенерс, газетчик „Нью-Йоркского Герольда“, получил от своего дяди Т. Б. Смита рекомендательное письмо к заведующему экспедицией „Герольда“ Гарриману. Чарли Бенерс болен воспалением легких. Один из его товарищей, тоже газетчик — Джон Воркман — похищает у больного Чарли письмо. Когда Чарли умирает, Джон отправляется с письмом к Гарриману. Старик обласкал его и обещал устроить на работу через редактора газеты м-ра Беннета. Беннет устраивает его постоянным газетчиком на жалованье и дает ему записку, в которой предлагает всем своим служащим знакомить Джона с производством. Газетчик Билль Смит чуть-чуть не попался в краже кошелька на улице. Несмотря на то, что ему удалось удрать, его заметили и следят за ним. Заставив Джона сознаться в том, что он использовал чужое письмо, Билль предлагает Джону за сохранение тайны выручить его и сознаться в краже кошелька. Джон не согласен. Тогда они уговариваются подбросить кошелек Саму—тоже газетчику. Во время обыска у Сама подброшенный кошелек был найден. Во время схватки Самом был убит Билль Смит и ранен Джон Воркман. Это событие создало Джону славу. Он задумал сделаться репортером. Изобретательный Джон устраивает общежитие для газетчиков. Это приносит ему постоянный доход и нелюбовь газетчиков, из которых он выкачивает этот доход. Джон решает отправиться на Запад делать карьеру. По дороге он знакомится с Фредом, едущим работать на фермы. Ребята доезжают до станции Спрингсхилл. Но от станции до места их работы 150 миль. Туда проложена узкоколейная дорога. Фред и Джон находят старую дрезину и отправляются. В прерии пожар. Ребята погибли бы, если бы не догадались поставить самодельный парус, который вывез их из огня.

Сам, убивший Билля Смита, убежал из тюрьмы. За его поимку назначена награда. По дороге на ферму Джон находит почти обугленного Сама и выдает его полиции. Лето и зиму Джон работает на ферме. Следующей весной Джон уезжает в Чикаго, там он поступает работать на знаменитые. Армюровские скотобойни. На бойнях вспыхивает забастовка. Джон Воркман становится в ряды штрейкбрехеров. Благодаря его предательской работе спасены холодильни завода.

ГЛАВА 8

ДЖУНГЛИ

Джон Воркман вслед за Мак-Клюром вошел в кабинет технического директора Арморовских заводов.

— Мистер Грэхэм, это — Джон Воркман, которого вы хотели видеть.

Директор отодвинулся от стола и осмотрел Джона с головы до ног.

— Очень рад вас видеть, молодой человек. Я слышал от Мак-Клюра, от какой опасности спасла нас ваша бдительность. Мы считаем своим долгом вознаградить вас за это. Может быть, вы, мистер Воркман, выскажете нам свои пожелания?

— Я очень благодарен вам, мистер Грэхэм. Я счастлив, что имел случай быть полезным вашему предприятию. Мое глубокое желание—быть вам полезным и впредь,—тщательно обдумывая свои слова, сказал Джон.—Для этого мне необходимо одно—и в этом будет моя просьба. Я прошу вас дать мне возможность подробно ознакомиться со всеми предприятиями мистера Армора.

Мистер Грэхэм покачал головой и задумался.

— Эту просьбу нам будет очень трудно исполнить, молодой человек. Надо сказать, мы очень неохотно показываем наши предприятия посторонним.

Директор снова замолчал.

— Нет, мистер Воркман, без мистера Армора я не могу разрешить вам этого. Может быть, у вас есть другие желания?

— Нет,—твердо ответил Джон,—это единственное, о чем я прошу.

Директор пожал плечами. Потом он встал и вышел в соседнюю комнату. Через несколько минут он выглянул снова и кивнул Джону и Мак-Клюру. Они прошли за ним через огромный зал, в котором над книгами и счетными машинами сидели сотни людей, и остановились у дверей, завешенных тяжелыми портьерами. Когда мистер Грэхэм открыл эту дверь, Джон увидел за большим письменным столом старика с коротко подстриженными седыми волосами и резкими чертами лица. По левую руку от него на столе выстроилась батарея телефонов, по правую—лежала груда дел и бумаг.

— Вот, мистер Армор, этот молодой человек.

— Где вы работали раньше?

— В «Нью-Йоркском Герольде» у мистера Беннета и на ферме.

При этих словах все—Мак-Клюр, Грэхэм и Армор—сразу насторожились; Джон почувствовал, как сразу в него впились три пары глаз.

— Кем вы работали в газете?

— Сперва газетчиком, а потом репортером.

Мистер Грэхэм и Армор переглянулись.

Джон понял в чем дело.

Он порылся в кармане и положил на стол карточку мистера Беннета—засаленную карточку, полученную три года назад.

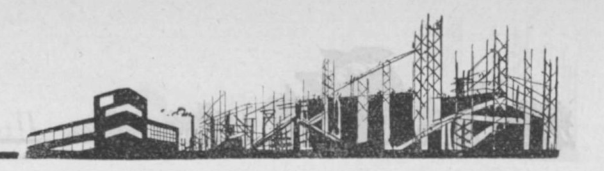
Старик внимательно осмотрел ее. Потом достал из ящика письмо и сравнил подписи. Джон увидал на письме знакомый росчерк Гордона Беннета.

— Это, конечно, меняет дело,—улыбнулся старик.—Видите, мистер...

— Мистер Воркман!—услужливо подсказал Мак-Клюр.

— Видите, мистер Воркман, мы теперь очень осторожны. Вы понимаете, во всяком деле есть сто-

роны, которых нельзя показывать публике. На это есть много причин. Можете ли вы нам обещать, что каждое слово, которое вы будете сдавать в печать о наших заводах, предварительно будет дано на просмотр мистеру Грэхэму?

— Безусловно, сэр.

Мистер Армор взял свою визитную карточку и написал на ней точно то же, что было написано и на карточке мистера Беннета.

Когда Джон прощался с мистером Грэхэмом, тот пожал ему руку.

— Поздравляю вас с удачей, мистер Воркман. Вы застали нашего патрона в хорошую минуту. Будете ли вы продолжать работать у Мак-Клюра?

— Пожалуй нет, мистер Грэхэм. Я думаю теперь недели две потратить на ознакомление с заводами. А потом я собираюсь дальше на Запад.

— На что вы думаете жить это время? Мне кажется, лучше бы вам все-таки не оставлять работы.

— Спасибо за внимание, сэр. У меня сейчас есть деньги. А, может быть, редакция «Герольда» согласится принять несколько статей о ваших заводах.

— Прекрасно. Только помните о нашем условии.

На следующий же день Джон Воркман приступил к изучению завода. С раннего утра уже он был на фабрике мясных консервов. Начал осмотр он с шестого этажа, куда по особым дорогам, под'емам, взбирались стада свиней. Вырвавшись из клетки, они старались убежать, терпеливо подымались на большую высоту и там попадали под нож. Джон стоял у огромного железного колеса, к которому по краям были приделаны на небольшом расстоянии друг от друга кольца. Колесо медленно вертелось, а рабочие, которые стояли возле него, с лихорадочной быстротой подхватывали свинью цепью за ногу, другой конец цепи прицепляли к одному из колец колеса. Свинью подхватывало, и она, страшно визжа, взлетала на воздух. Колесо подымало свинью к движущемуся под потолком канату, и на этом канате она плыла через весь зал. У Джона голова кружилась от дикого визга. Его передернуло, когда он в первый раз взглянул под потолок. Свиньи, привязанные каждая за одну ногу, судорожно барахтаясь, неслись по канату. Впереди на помосте стоял рыжий парень. С точностью машины он подымал длинный, узкий обоюдоострый нож и одним ударом перехватывал горло пролетающей мимо него свиньи. Джон посмотрел на часы. 30 раз в минуту опускался смертоносный нож. В десятичасовой рабочий день боец убивал 18.000 свиней.

Джон пошел дальше. Туши убитых животных продолжали скользить по воздуху, пока не исчезали в огромном чане, в котором клокотал кипяток. Туша медленно проходила по длинному чану, потом, подхваченная новым крюком, падала в нижний этаж. По пути аппарат, снабженный десятками скребков, соскабливал с нее почти всю щетину. Здесь убитая свинья проходила между двумя рядами рабочих. Каждый из них делал одно-два молниеносных движения. Один соскабливал оставшуюся на ноге щетину; другой ударял ножом по горлу; третий двумя ударами отделял голову от туловища. Голова проваливалась в отверстие в полу. Один рабочий неуловимым взмахом ножа надрезал всю тушу по длине; другой расширял эту щель; третий отрезал сердце и легкие; четвертый вынимал их и бросал в бак. Грузные туши длинной вереницей скользили по залу: Скоро туши исчезали, вместо них по канатам ползли бадьи с окороками, грудиной, ногами. Окорока—в один зал, грудина—в другой зал, ноги—в третий. Джон снова посмотрел на часы, вернулся назад и проследил сколько времени уходит на одну свинью с того момента, когда колесо подымает ее в воздух, до той минуты, когда рассортированные части туши исчезают в соседних залах.

Оказалось—на весь этот путь уходит точно 12 минут. После свиной бойни Джон побывал в отделении, где убивали, обдирали и разделывали быков. Здесь было такое же строгое разделение труда, так же лихорадочно работали рабочие. Потом Джон осмотрел консервные, упаковочные, коптильные отделения, гигантские подвалы, где производился засол мяса. Он видел, как очищается шерсть для приготовления подушек, как из голов и ног добывается клей, из рогов делаются гребни, пуговицы, шпильки для волос, из берцовых костей—рукоятки для ножей, зубных щеток, папиросные мундштуки, из копыт—пуговицы и клей, из зловонных внутренностей—скрипичные струны. Теперь он понял, почему с такой опаской на заводы допускали посторонних.

Как-то вечером Джону случилось поздно задержаться на бойне. Правительственные инспекторы, которые проверяли, здоров ли поступающий скот, ушли. И тут Джон с ужасом увидел, как особая грузопод'емная машина доставила на бойню партию больного скота. Здесь были быки, окормленные солодом, в страшных язвах и нарывах, были издохшие в пути—бог весть по какой причине—животные; были животные с перебитыми, вспухшими ногами. В течение двух часов весь этот скот был разрублен на части, сброшен в ледники и смешан с остальным мясом. Джон видел, как в барабанах мясорубок, перемалывавших мясо для колбас, исчезали десятки крыс. Крысы кишели во всех помещениях заводов; стены всюду обросли коростой запекшейся крови и грязи.

Джон никогда не представлял себе, что люди могут работать в таких условиях, какие были на заводах Армора. Он видел из'еденные кислотой руки рабочих, щипавших шерсть: в них едва можно было рассмотреть пальцы—это были бесформенные куски мяса, покрытые ранами. Рабочего, который вырабатывал знаменитые Армоpовские искусственные удобрения, можно было узнать на расстоянии двадцати шагов,—такое страшное они издавали зловоние. Сдерживая подступающую к горлу рвоту, Джон заглянул на завод искусственных удобрений. Сперва ему показалось, что в зале никого нет. Он видел только густые клубы коричневой пыли. Потом, присмотревшись, он заметил рабочих. Они работали наощупь в облаке пыли, подхватывая лопатами удобрение и насыпая его в вагонетки. Удобрение—измельченные в порошок каркасы животных, смешанные с бурого цвета землей—водопадом текло сверху, мимо вертящихся крыльев мельницы, проветриваясь на-лету. Джон не выдержал здесь и полминуты. Когда он вышел, у него сделалась рвота,

Том посмотрел на протянутую ему руку и поспешно отдернул свою

и много часов еще его преследовал ужасный запах.

Прошло три недели с тех пор, как Джон Воркман бросил работу в холодильнях. Но он ни строчки еще не написал в «Нью-Йоркский Герольд». Это оказалось трудней, чем он думал.

ГЛАВА 9

ПРАВДА ОБ АРМОРОВСКИХ ЗАВОДАХ

Мистер Грэхэм аккуратно стряхнул пепел с сигары в хрустальную пепельницу и обернулся к Джону.

— Я вас пригласил сегодня, мистер Воркман, по весьма важному делу. Я полагаю, вы успели ознакомиться с нашими заводами?

— Кажется, да, сэр. Довольно подробно, сэр.

— В таком случае вас ждет хорошая работа, мистер Воркман.

Джон с любопытством взглянул на директора.

— Вероятно последнее время вы не успевали читать газет. Так, мистер Воркман?

Джон густо покраснел.

— Да, мистер Грэхэм. Я уже неделю не видел печатной строчки. Я очень много времени проводил на заводах, сэр.

Мистер Грэхэм выдвинул ящик стола и протянул Джону несколько номеров «Нью-Йоркской Трибуны».

— Просмотрите эти газеты, мистер Воркман, а потом зайдите ко мне снова.

Джон удивленно взглянул на мистера Грэхэма, взял газеты и вышел из кабинета.

Тут же в приемной он развернул широкие листы «Трибуны». Ему в глаза сразу бросились жирные заголовки:

«Чикагское болото»! «Безобразия на заводах Армора»! «Последние разоблачения»! «Отрава вместо консервов»! «Неслыханная эксплоатация»!

Джон забыл все на свете. Он не замечал, как мимо него бегают люди, надзиратели, правительственные инспекторы, мастера. Он глотал строку за строкой, столбец за столбцом, отбрасывал в сторону одну газету, хватался за другую.

В газетах сообщалось содержание только-что вышедшей книги Эптона Синклера: «Джунгли». «Нью-Йоркская Трибуна» из номера в номер приводила выдержки, целые главы из этой книги.

У Джона разгорелось лицо. Он читал главу за главой, и перед ним вставали все ужасы Арморовских заводов,—ужасы, которые только-что, минуту назад, он видел своими глазами. Все отделения заводов прошли перед ним. Он читал, и слышал рев быков, писк крыс в темных, скользких подвалах; он чувствовал тяжелый, приторный запах крови и зловоние удобрений, он видел бешеную пляску рабочих, слышал скрип зубов и глухие проклятия. Потом он сложил газеты и задумался. Он уже знал, чего хочет от него мистер Грэхэм. Опровержений.

Он должен доказать, что каждое слово в книге Синклера—ложь. Он должен убедить читателей, что это все—измышления, что это все—клевета. Покупатели консервов должны поверить, что на заводах Армора чисто, как в больнице. Что мистер Армор—

благодетель своих рабочих. Что продукты мистера Армора—лучшие в мире.

Джон Воркман долго ходил по комнате взад и вперед, взад и вперед.

Он остался работать, когда уволили Коннора и лучшие машинисты ушли. Он спас машины мистера Армора и помог сорвать забастовку.

Это было легче.

Он снова стоял перед рубежом. Мясники, провонявшие кровью, бурые тучи удобрений, рычаг и поршень, рычаг и поршень—десять часов в день. А там... Лицо Джона стало жестче, глаза тверже и холодней. Он откинулся на спинку кресла и приковался взглядом к потолку. По потолку широкой лентой текли автомобили, роскошные дворцы, фермы, трубы заводов, сверкающие яхты.

Когда Джон вошел в кабинет мистера Грэхэма, тот быстро вскинул на него глаза.

— Эта работа обойдется вам не дешево, мистер Грэхэм.

— Мы дорого заплатим за нее,—ответил директор.—Мистер Армор снесся с мистером Беннетом. Место для статей обеспечено, и вы сегодня ночным экспрессом отправляетесь в Нью-Йорк. Кампанию лучше вести на месте.

Джон Воркман сидел и писал. Маленький столик дрожал, мимо окон экспресса проносились поля, леса, озера, заводы, но ему некогда было смотреть по сторонам. Он должен был окончить первую статью о предприятиях Армора, выбрать нужный тон, наметить план для пяти-шести больших статей.

Труднее всего было писать о людях—о живых людях, о рабочих Армора. С этого нельзя было начинать. Джон начал с другого—с мертвых машин. В первой статье он рассказывал о том, как строго распределена работа между машинами и станками, как точно учитывается и используется сила тяжести—как она гонит туши животных из этажа в этаж, от машины к машине. Он перечитывал свою статью, и ему самому казалось, что люди здесь ни при чем, что они где-то далеко, что работают на заводах только машины—стальные челюсти, пальцы и локти машин.

— Да, это то, что нужно для первой статьи,—решил он и упрятал папку с бумагой в свою дорожную корзинку.

Скоро показались окраины Нью-Йорка, знакомые Джону с детства улицы, дома.

Еще несколько минут—и Джон вышел из огромного здания Центрального вокзала. Был третий час дня. Джон достал из корзинки свои бумаги и рукописи, оставил вещи на хранение и, не заезжая домой, отправился в редакцию «Нью-Йоркского Герольда».

— Ба!—воскликнул редактор, мистер Бернс, увидав Джона.—Да вас не узнать! Выросли, поздоровели, совсем взрослый мужчина!

И правда, за время жизни на ферме и в Чикаго Джон переменился до неузнаваемости, он из мальчика стал взрослым человеком. Лицо его покрывал густой загар, плечи раздались, огрубел голос.

— Ну-с, мистер Воркман, мы вас ждали. Мистер Беннет звонил мне по поводу ваших статей. Готово у вас что-нибудь?

Джон улыбнулся, он чувствовал себя заправским журналистом.

— Конечно, готово,—самодовольно кивнул он головой. Мистер Бернс отправил человека, с которым разговаривал о каких-то клише, и взял из рук Джона папку.

Минут двадцать он читал молча.

— Конечно, это не требует правки,—воскликнул он наконец.—Я сдам это в набор, как оно есть. Вы—молодец, мистер Воркман. Это очень тактично и умно в первой статье не вдаваться в полемику. И потом очень хорошо, что вы в первой статье не касаетесь положения рабочих. Надо прежде расположить к себе читателя. А там уже можно коснуться более трудных тем. Фотографий у вас нет?

Джон снова улыбнулся.

— О, мистер Армор снабдил меня такими снимками—загляденье. Настоящая кино-с'емка, с декорациями, костюмами и всем, что полагается. Они это все приготовили в течение одного вечера.

— Однако, мистер Армор—большой поклонник печатного слова,—расхохотался редактор, когда Джон вынул из своей папки конверт, набитый фотографическими снимками.—Смотрите не задержите вторую статью: мы сегодня напишем «продолжение завтра».

— Не беспокойтесь, мистер Бернс. Завтра в это же время я буду у вас.

— Нет, в это время не хорошо. Давайте часом раньше.

— Ладно.

Джон, насвистывая, выскочил на улицу. Домой или на вокзал? Нет, нужно на вокзал, захватить вещи, чтобы больше об этом не было заботы.

На вокзале, в камере хранения багажа, Джон хватился квитанции, он не помнил, куда ее сунул, когда сдавал корзинку. Ему пришлось задержаться из-за этого, бегать к дежурному за разрешением, описывать, какая корзинка и что в ней.

Но досаду его как рукой сняло, когда, под'езжая уже у дому, он услышал крики газетчиков:

— Вечерний выпуск «Герольда»! Правда об Арморских заводах! Опровержения Джона Воркмана! Полная механизация труда!

— Однако, они там не спят,—улыбнулся Джон и посмотрел на часы. Двух часов еще не прошло с тех пор, как он вышел из редакции «Герольда». Джон купил у газетчика номер,—газетчик был незнакомый. Просматривая на ходу убористые столбцы, Джон подошел к дверям своего дома.

Мать была одна, она не ждала приезда Джона. Она бросилась ему на шею, Джон поднял ее как перышко и горячо расцеловал.

— Какой же ты стал большой, Джонни! И отчего ты не писал? Как я по тебе стосковалась! Надолго ли ты?

Джон долго рассказывал, как жил на ферме, как работал у Армора, чему научился, что повидал. Мать рассказывала, сколько живет газетчиков, какие с ними хлопоты, с кем приходилось судиться за неуплату денег. В общем общежитие выросло и давало хороший доход.

— Отчего сейчас так тихо?—спросил Джон.—Неужели никого нет?

— В это время они все на работе—ты забыл уже, Джонни? У них вечерний выпуск.

— Все-таки, пора им уже вернуться.

В это время за стеной послышались голоса, ребята гурьбой ввалились в соседнюю комнату.

— Хозяйка! — крикнул кто-то, приоткрывая дверь и бросая в комнату газету,—свежие новости о вашем сыночке!

Джон вскочил с места,—он узнал голос Тома.

— Том, здорово! — воскликнул он, бросаясь к дверям.

Том посмотрел на протянутую ему руку и поспешно отдернул свою.

— Боюсь, замараешься,—презрительно бросил он и повернулся к Джону сутулой, тощей спиной.

ЧАСТЬ 3-я

ГЛАВА 1

БЮРО ТЕЙЛОРИЗАЦИИ

Джон Воркман успешно написал остальные статьи. Он выполнил всю программу, намеченную техническим директором, мистером Грэхэмом, и заработал в течение двух недель больше, чем за все время службы на ферме и в холодильнях. Статьи были написаны умно, толково и вполне правдоподобно. Людям, которые никогда не видали того, что делается на заводах Армора, легче было поверить ему, чем социалисту Эптону Синклеру. Все газеты кричали, что «бессовестного клеветника» нужно предать суду. Джон Воркман стал героем дня, и редакция «Герольда» попросила у него новых статей.

Генри Форд

Имя Джона Воркмана было на языке у всех. Но это не изменило его решения. Он снова собирался в путь.

Скорый поезд, летевший к западу, остановился на большом полуострове между озерами Гуроном и Мичиганом. Было еще рано, седьмой час утра, и город лежал еще в темноте. Джон Воркман взял свой легкий чемодан, спустился с крутых ступенек пульмановского вагона и вышел, поеживаясь от холода, на длинную, слабо освещенную улицу. Под ногами было грязно, и Джон вспомнил старую шутку, что гражданам штата Мичиган нужно рождаться на свет в галошах.

Пройдя несколько шагов, Джон увидел залитое светом окно и над ним вывеску—«Bar». Где-нибудь надо было подождать дня, Джон зашел в бар, спросил чаю и уселся за круглый стол.

Часы пробили половину восьмого.

Скоро Джону надоело рассматривать карту Мичигана, он сложил ее и спрятал в боковой карман. Чтобы убить время, он стал разглядывать посетителей бара.

Двое мужчин, по платью судя—рабочие, болтали с хозяином, облокотившись о стойку. Отдельные слова долетали до Джона.

Таких историй он слышал немало. Парни работали где-то, потеряли место и не знали теперь, что с собой делать.

— Всему виной мистер Эванс. Эх, кабы не он! С хозяином мы бы живо спелись. Он бы нас держал у себя хоть до смерти. Да вот проклятый экзамен. Что тут поделаешь?

Хозяин налил говорившему еще стакан пива. Тот отхлебнул немного и продолжал.

— Говорят, в Европе всякий почталион, всякий стрелочник держит экзамены. А мы—на то мы в свободной Америке, чтобы быть свободными. А тут—на вот тебе. Стыд и срам—старых людей экзаменовать, как мальчишек. Пускай их жучат студентов в Массачузетсе или Вермонте. Может, докторам и юристам без этого нельзя. А нашему брату, токарю, какой от того прок?

Джон заинтересовался разговором и насторожился. Речь пошла теперь о психологической лаборатории. Она была всему виной. Токаря там заставили микрометром измерять толщину стальных стружек, а машиностроителю пришлось даже решать задачи.

— Двадцать лет стою у станка, а в такой переплет попадать не приходилось. Они и говорят—«не подходит для предприятия». Слыханное ли дело? За последнюю неделю заплатили, а там—коленом под зад, катись куда глаза глядят.

Взгляд одного из рабочих упал на Джона.

— Э, молодчик, откуда так рано? Видно, с утренним поездом? Не к Форду ли, часом?

— Вот-вот, хочу поискать работы.

— И не ходи,—махнул рукой токарь.—Гиблое дело. Ла-ла-лаборатория, будь она трижды проклята!..—заплетающимся языком сказал он и опустился на стул.

— Там мистер Прис, чортова кукла, что с ним поделаешь! Поколеем теперь все с голоду, молодчик,—безнадежно уронив голову на стол, прохрипел второй.

Джон посмотрел на часы и сказал:

— Нет, решил так решил. Попытаю счастья. Потом спросил у хозяина разрешения оставить пока свой чемодан и вышел на улицу.

Детройт—не Нью-Йорк. Дома—в шесть, семь этажей, не больше; небоскребов и в помине нет. Джон миновал мост, сел в трамвай и уже через 20 минут сошел у главного входа фордовских заводов.

Мистер Прис принимал лично только по очень важным делам; швейцар, который привык впускать к нему важных людей, в шубах и в цилиндрах, подозрительно осмотрел Джона. Но, когда мистер Прис прочел маленькую записочку, написанную рукой Армора, и другую записку, за подписью Гордона Беннета, он улыбнулся и позвонил:

— Впустите.

Уже четыре недели Джон Воркман работал в Тэйлоровском бюро завода. За это время он понял одно. Он понял пословицу: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Даже такое простое дело, как нагрузка и выгрузка товарных вагонов, казалась ему теперь новой, интересной работой.

В первый же день заведующий бюро, мистер Реппингтон, протянул ему толстую папку с бумагами.

Мистер Воркман,—сказал он,—вам придется подучиться, прежде чем вы приступите к работе. Постарайтесь сделать это поскорее. На эту папку вам дается одна неделя. Проштудируйте ее получше, да еще сходите в депо оборудования и каждую лопату посмотрите своими глазами. С одним чтением далеко не уедешь.

Джон с жаром взялся за учение. Никогда ему не приходилось читать ничего подобного.

Речь шла о том, как обращаться с лопатой. Джон знал, что работа землекопа—одна из худших работ; в Нью-Йорке по большей части ею занимались люди, не имеющие никакой квалификации, или приезжие, не знающие языка. Здесь же из этого была целая наука. Сперва говорилось, что в работе с лопатой действуют сразу человек, орудие и та масса, которую нужно рыть, копать, перебрасывать с места на место. Эти три части должны быть прилажены друг к другу; и на первом плане тут всегда материал. Нужно найти такую лопату, которая больше всего подходила бы к данному материалу, и такого человека, который лучше всех других землекопов справился с этим материалом и с этой работой.

Самая лопата делается из двух частей: листа и рукоятки. Лист должен быть больше или меньше, легче или тяжелей, острей или тупей,—смотря по материалу, который нужно рыть. А рукоятка должна быть по рабочему.

В Нью-Йорке Джону, когда он еще был газетчиком, пришлось перевидать не мало землекопов. Он вспомнил отца Гарри Томсона, как тот ласково поглаживал отполированную в работе лопату и называл ее старым другом. Ни за что он не взялся бы за другую: сегодня он сгребал ею кокс, завтра—щебень, послезавтра—песок и глину.

А здесь были рисунки 30 различных лопат и заступов. О каждой было точно сказано—для какой она работы.

Потом шли чертежи—кривые линии, которые показывали, какие движения должен делать землекоп при работе.

Первых трех дней было достаточно Джону, чтобы знать свою папку на зубок. А последние дни недели он провел в депо оборудования и в опытном зале. Кинематографический аппарат снимал рабочих, лучших, самых опытных рабочих. Каждое движение отпечатывалось на ленте; точно известно было, сколько на него ушло времени; для каждого рабочего вычерчивалась кривая работы, и из десяти кривых брали среднюю. В этой линии, которая показывала, как нужно работать, не было ни одного лишнего движения. Такой работы требовал потом завод от каждого землекопа.

Когда Джон Воркман снова встретился с мистером Реппингтоном, он был подкован на обе ноги. Он знал не только каждую деталь каждой лопаты, он мог вычертить на память линию любой работы.

— Оль райт, мистер Воркман, с вами можно иметь дело,—сказал мистер Реппингтон,—принимайтесь теперь за второй том.

Второй том был посложнее первого. Здесь описывались столярные работы и бесконечное число столярных инструментов. За вторым томом последовал третий—слесарные работы; четвертая неделя ушла на ознакомление с формовкой и литьем.

— Ну-с, мистер Воркман, теперь вы усвоили основы системы Тэйлора. Сейчас я пошлю вас на месяц в психотехническую лабораторию, а там посмотрим,—похвалил Джона мистер Реппингтон.

(Продолжение следует)

Гиблое дело. Ла-ла-лаборатория, будь она трижды проклята!..

КАК МЫ СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЕМ СОЦИАЛИЗМ

Редакция журн. «Пионер» к десятилетию Октября решила собрать среди ребят заметки о том, как они себе представляют социализм.

В десятую годовщину Октября мы оглядываемся назад, на пройденный путь, вспоминаем дни борьбы на военных фронтах, считаем наши победы в строительстве для того, чтобы с удвоенной силой пробивать дорогу к социализму.

Из заметок ребят вы узнаете, как ваши товарищи представляют себе цель нашего строительства. Читая эти замитки, подумайте, где по-вашему правильно, где неправильно, и подумав, напишите в редакцию

ЧТО ПИШЕТ НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

Мне как-то недавно из журнала «Пионер» прислали пачку детских сочинений, описывающих, как ребята представляют себе — что такое социализм. Они писали о громадных достижениях техники, о развитии производительных сил, о том, что не будет нищеты, что у всех всего будет вдосталь, что люди не будут оаботать, а вместо людей будут работать машины, что у людей будут светлые, теплые жилища...

Об одном ребята не писали, что отношения между людьми будут при социализме совсем другие, что человек при социализме будет мыслить, чувствовать, наслаждаться по-иному, что вся жизнь станет иной: богаче переживаниями, ярче, красочней. Уйдет из нее все убожество одинокого, заброшенного, никому ненужного существования, уйдет мелкая злоба, зависть, человеконенавистничество. Могучая коллективная мысль, могучее коллективное чувство придут на смену одинокому горю, одиноким исканиям мыслителя.

Существующие утопические романы говорят лишь о всеобщем довольстве, отсутствии нищеты, преступлений. Но о новом человеке, о новых человеческих отношениях, о красоте коллективных переживаний, о глубине размаха коллективной мысли, о новой общественной организации утописты почти ничего не говорили.

Перед глазами Ленина вставал уже новый строй. Он говорил о том, что надо «из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю». Он говорил о сознательной солидарной дисциплине, о коммунистической морали. Ленин говорил, что коммунисты должны силою своего энтузиазма зажечь армию народных учителей, построить социалистическую школу. В создании единой тудовой школы, связанной с массами, Ленин видел средство воспитать подрастающее паколение в новом, коммунистическом духе. Он писал про социалистическую школу, что «лишь она сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен...»

Н. Крупская

ЗЕМНОЙ ШАР НА ЛАДОНИ

Обыкновенно, сидя без дела и думая о социализме, я превращаюсь в великана и, положив земной шар на ладонь, тщательно рассматриваю его. Я стараюсь не забывать ни одной мелочи.

И мое воображение рисует мне следующее: земной шар, как маленький мячик, лежащий у меня на ладони, точно разделен на громадные правильные квадраты. Эти квадраты не что иное, как поля, засеянные продуктами питания, но не пшеницей и рожью, а растениями, которые содержат в себе больше питательных веществ, правда, не имея почти никакого вкуса. С правильными промежутками среди этих полей возвышаются города с мощными фабриками и заводами, с сотнями миллионов населения. В этих городах равномерно бьется сердце мировой промышленности, протянувшей проволочные нити в далекие уголки полей и поставляющей туда электричество. Громадные светлые здания заводов не бросают уже больше, как в XX веке, в небо ни копоти, ни дыма, и воздух в городах чист и свеж, как в далеких зеленых равнинах.

Живущие в этих городах — не рабы, а полновластные хозяева всех этих городов, полей, фабрик и заводов. Они крепки и здоровы. Работа на фабриках, среди машин, не влияет на их здоровье, да и работают они всего 2 ч. в сутки. После работы для них, строителей и хозяев в одно и то же время, предоставлено все: громадные спортивные залы со множеством разных снарядов, театры, загородные дома, библиотеки, читальни и кино. Кино все еще живо, как и в наши времена. Конечно, оно более усовершенствовано и все еще увлекает в свои залы не один миллион зрителей каждый вечер.

Для детей младшего возраста здесь устроены детсады и ясли, в которых они проводят все свои детские годы. Устроены также учебные заведения, в которых преподавание ведется гипнозом. Человеческая жизнь здесь продолжается в среднем 150—200 лет, и старик, пользующийся приемами омолаживания, выглядит так же, как и 20-летний юноша.

Здесь больше нет ни войн, ни классов. Политических партий больше не существует. Весь земной шар об'единяет Великий Союз Социалистической Земли.

Н. Е.

НОВЫЕ ПИОНЕР-ОТРЯДЫ

При социализме будут созданы новые пионер-отряды, ячейки комсомольцев и коммунистов. Все будут итти к социализму.

НЕ БУДЕТ КЛАССОВ

При социализме будут работать всего часа два, потому что все будут делать машины. Меньше энергии и меньше времени будет уходить на работу. Дома не надо будет готовить обед, потому что все будет делать машина. Когда будет больше свободного времени, наша мысль будет больше работать и изобретать больше машин.

Не будет денег. Например, в деревне нужно купить плуг, борону за плату. Приходишь в кооператив или в другой какой-нибудь магазин и все это получаешь. Будет братство между всеми. Не будет разделений и классов.

К. Бородачева

НАЖАТЬ КНОПКУ — И ВСЕ ГОТОВО

Сейчас много тратиться сил на то, что можно сделать легко при помощи машин. Например: прча-

ка стирает белье целый день, тогда же можно будет нажать кнопку, и через некоторое время белье выйдет сухое и выглаженное. Женщине же остается больше времени для общественной работы. Она тем временем может изобрести много нового и полезного для народа. Не будет богатых, бедных, все люди будут одинаковы. Тогда не будут много работать, а будут оставлять больше времени на общественную работу.

Валя Разумова

КАЖДЫЙ БУДЕТ СЛЕДИТЬ ЗА ПОРЯДКОМ

В настоящее время территория нашего Союза охвачена сетью построек новых электрических станций, новых рабочих поселков, при которых имеются детские площадки, школы, ясли и клубы. Деревня из старой переделывается на новую—многопольную и электрифицированную деревню.

Это перестроение деревни, коперирование ее, ведение общинного хозяйства—верный путь к социализму.

При социализме деревня будет, как одна семья. По всем уголкам Союза будут введены электрификация и кооперация, которые сплотят крестьянство. Вид города сильно изменится.

Мы на площади. Как все переменилось за несколько лет. Вместо сумрачных серых зданий, всюду красуются высокие светлые небоскребы с удобными и приспособленными для здоровой жизни помещениями. На улице—шум, так как все спешат на работу.

Направо светлое высокое здание—это центральный клуб ребят, где они получают правильное умственное и физическое воспитание. Внутри здания большие и светлые, со всем оборудованием кабинеты для занятий, а также спортивные залы. Питаются все в общественных столовых.

А на улице не видно ни бедных, ни богатых, так как существует один класс, который сознает, для чего он работает. На фабрике все машинизировано, и рабочему приходится следить за машиной, совершенно не употребляя физического труда. Сельская промышленность тоже хорошо оборудована, нет уже отдельных крестьянских дворов. На земле работают коммуной. Вся работа основана на электрификации, существуют машины, которые обрабатывают землю, а также собирают урожай.

Способ передвижения самый разнообразный. Аэропланы, метрополитены, автомобили и др. Пользуются все, так как нет частной собственности. Памятником старины остался мавзолей, где похоронен Ленин—вождь, который начал дело социализма.

Зам. район., 2-й отряд — **Г. Фрумкина, Т. Люханова, Ж. Пионтковская**

ТРАМВАЯ НЕ БУДЕТ

При социализме труд человека заменит машина. И не будет такой толкучки в трамвае, как сейчас. И вообще трамвая не будет. Трамвай будет заменен автомобилем без моторов внутреннего сгорания, а электрической батареей.

Шишаев

НЕ МИР, А РАЙ

Во-первых, не будет ни богатых, ни бедных, а будут все равны. Дома будут, как в Америке, этажей в 150—200 со всеми удобствами. Школы будут усовершенствованы. Народ не будет ходить на улицах, будут движущиеся тротуары. Работать будут не люди, а машины. Будет не мир, а рай.

К. Китаев

ВСЕ БУДЕТ ОБЩЕЕ

При социализме крестьяне и рабочие будут культурнее. Будут школы, избы-читальни и в деревне больше будет пионеров, комсомольцев. Не будет гнета над крестьянами и рабочими, как до революции, и все сольется воедино. Все будет общее. Рабочего—машина, крестьянина—поле.

Мясоедова

БУДУТ ЖИТЬ АКТИВНЕЕ

При социализме люди будут жить гораздо активнее. Будет гораздо больше пионеров, партийцев и комсомольцев. Работы все будут производиться не рабочими силами, а машинами. При социализме всякий нуждающийся в одежде или питании может притти в магазин без денег и взять что ему нужно.

Гвильдис

НЕ БУДЕТ ДЕНЕГ

Социализм наступит тогда, когда вся масса будет усиленно работать, внося больше энергии в жизнь. Когда все люди не будут считаться между собой и когда не будет денег, а заместо денег рабочий будет работать, а за работу будет получать готовый материал. Социализм уже начинает строиться. В деревнях устраиваются фабрики, работают машины. В школах не будут заниматься в две-три смены. Ребята будут все пионерами. Все будет общественное.

Александр

ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ ЛЮДИ БУДУТ ЖИТЬ ОЧЕНЬ ХОРОШО

Везде будет революция. Всех буржуев расстреляют, а фабрики заберут рабочие. Все ребята будут пионерами и будут часто ездить друг к другу в гости.

Рабочие будут работать сколько захотят, и у всех крестьян будут тракторы. Все будут жить хорошо и бедных больше не будет. Лошадей не будет, а будут только аэропланы и автомобили. Воевать не будут, потому что везде будет советская власть.

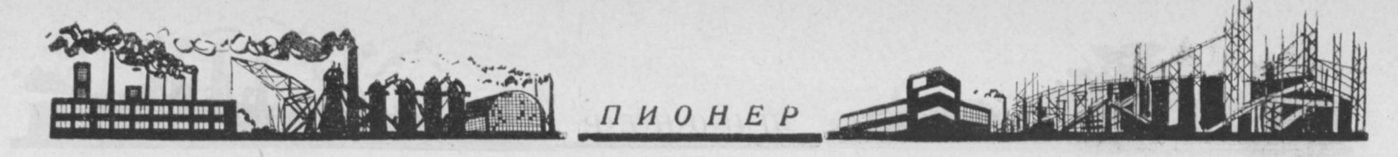
Маркин

РАДИО ЗАМЕНИТ УЧИТЕЛЕЙ

Классов не будет. Не будет собственности. Не будет капиталистов. Вместо человека машина будет выполнять работу. Будет много школ. В школах учителей не будет, а радио заменит учителя. Во всем мире не будет старших неграмотных.

Люди будут ходить чисто одетые. Болезней не будет. Всего у человека будет вдоволь. Работать будет легко. Вместо жалованья деньгами человек будет получать одежду, пищу, книги, билеты в театр. Ученые придумают, чтобы человек жил долго—человек будет жить 200 лет.

Ребята из Азербайджана, Узбекистана, Киргизстана

МОПШКА

Очерк Е. БОБИНСКОЙ
Рисунки А. БРЕЯ

В прошлом номере вы читали о том, какой была старая школа, как школа встретила революцию, как боролись учащиеся со старыми учителями-чиновниками.

В этом номере мы помещаем очерк о новой школе. Сравните эту школу с той, в которой вы учитесь. Вспомните, разузнайте и запишите ее историю. Если история получится интересной, пришлите ее в редакцию.

Не думайте, что это собачья кличка. Нет, это школа, а полное ее название звучит так: Московско-опытная показательная школа-коммуна им. Лепешинского. Название длинное и трудное. «Мопшка» гораздо проще. Ну, и осталась «Мопшка». А ученики ее сами зовут себя «мопсами». Конечно, ничего обидного в этом нет, раз они сами себя так называют. Частенько в коридоре или на лестнице в «Мопшке» вы можете увидеть об'явление:

«Мопсы», записывайтесь в члены МОПР

или

В четверг в 5 ч. экстренное собрание всех «мопсов»

«Мопсы» делятся на «живущих», т.-е. живущих в школьной коммуне, и «неживущих», приходящих. В 6 часов вечера кончаются в «Мопшке» занятия (они бывают с 9 ч. утра до 6 ч. вечера с $1\frac{1}{2}$ часовым перерывом на обед и $\frac{1}{2}$ ч. на чай). Но и после шести мопсы неживущие ухитряются оставаться еще в школе на часик или полчасика.

Счастливые живущие, которых никто не гонит оттуда!

Поговорите с каким-нибудь «мопсом» и вы узнаете, что нигде на свете не может быть лучше, чем в «Мопшке». Грустно вот только то, что когда-нибудь придется же ее кончить.

Непонятно. Школа, как школа. Правда, чисто, просторно, светло, много воздуха. Но есть же школы на вид лучше «Мопшки». Почему же все «мопсы» без ума от своей «Мопшки».

Чтобы разгадать тайну «Мопшки» нужно притти туда 9-го октября.

9-е октября радостный и торжественный день в жизни «Мопшки»—годовщина ее основания, в этом году уже восьмая.

За две недели до 9-го октября в «Мопшке» уже все стоит вверх ногами. Каждая группа приготовляет что-то к тому дню (что именно—это остается тайной для всех остальных вплоть до самого вечера

Старые „мопсы"—герои вечера

Надо было работать в поле, на кухне, в прачечной, на огороде, стряпать и шить

9-го октября). Пионерский отряд будто бы приготовляет нечто удивительное, а 9-я группа!..

Но это тайна...

В эти дни «Мопшка» кишит от шепчущихся кучек, которые то-и-дело разбегаются или замолкают, когда входит «чужой». А организационная комиссия! Ну, вообразите себе такую комиссию, которая окружена тайнами и должна организовать самые тайны? Понятно, что она теряет голову с первого же дня.

А 9-е октября...

9-го октября «Мопшка» представляет странное зрелище. Среди разыгравшейся, счастливой толпы «мопсов» вы увидите матросов из Кронштадта, красных коммунаров и красноармейцев, молодых женщин с ребятами на руках, студенток и работниц районных комитетов.

— Что это за гости?—спрашиваете вы, задерживая за рукав первого пробегающего мимо «мопса».

— Это старые «мопсы».

Да, это старые «мопсы», которые кончили школу год, два, три, четыре назад. 9-го октября все являются в школу, иные приезжают издалека. А те, которые не могут приехать, присылают длинные телеграммы, в которых выражают пожелания, чтобы «Мопшка» осталась верна своим традициям и лозунгам.

Старые «мопсы»—герои вечера.

В бурной, веселой толпе «мопсов» они чувствуют себя радостно и свободно, как-будто после долгого отсутствия вернулись в родной дом.

Все ученики школы знают, что это именно они создали «Мопшку» в 19-м году, не Наркомпрос и не МОНО, а сами дети.

— Нет, это были не дети,—говорит старый «мопс», рассказывая как это было,—это были л ю д и. Люди, правда, молодые—14, 15, 16 лет, но люди, которые пережили уже фронт, революцию, голод, тюрьму, бегство от белых вместе с родителями, контр-революцию и войну.

— Вот я, например. Я пришел прямо с фронта в красноармейской форме в Наркомпрос. Кончив семилетку, я пошел на фронт; в 19-м году вернулся—мне было 15 лет. Я хотел учиться. В Наркомпросе мне сказали: «Хотите учиться—создайте себе школу. Мы вам даем дом, несколько десятин земли, 50 кроватей, 30 тюфяков, 15 подушек, 5 одеял и... заведующего». Вот и все. Так мы начали строить «Мопшку», — рассказывает старый «мопс».—У нас было 50 кроватей, 5 одеял и... заведующий. У нас был большой дом и земля, которую нужно было обрабатывать... У нас было все, кроме учеников.

Мы начали их искать. Ходили по рабочим семьям, буквально на улице собирали. В этом усердно помогал нам тов. Лепешинский: он приводил к нам сирот, без отца и матери—беспризорных ребят. Их было много среди первых учеников «Мопшки», и славные выросли из них люди. Так мы собрали 30 учеников. И вместе с нашим заведующим т. Пистраком и единственной нашей учительницей-естественницей стали строить школу. В наш школьный совет вошла вся школа. Мы все страстно хотели учиться. Но не тут-то было. Надо было работать в поле, на кухне, в прачечной, на огороде, стряпать и шить. Притом мы сами еще не знали, какой именно должна быть наша школа. Старые школы были отменены, новых еще не было. Мы знали одно—наша школа должна воспитать коммунистов. Ну, конечно, из старых, царских учебников этому не выучишься,—скорее уже в повседневном тяжелом труде. И так образовалась наша трудовая школа-коммуна коллективным, организованным трудом учеников и учителей.

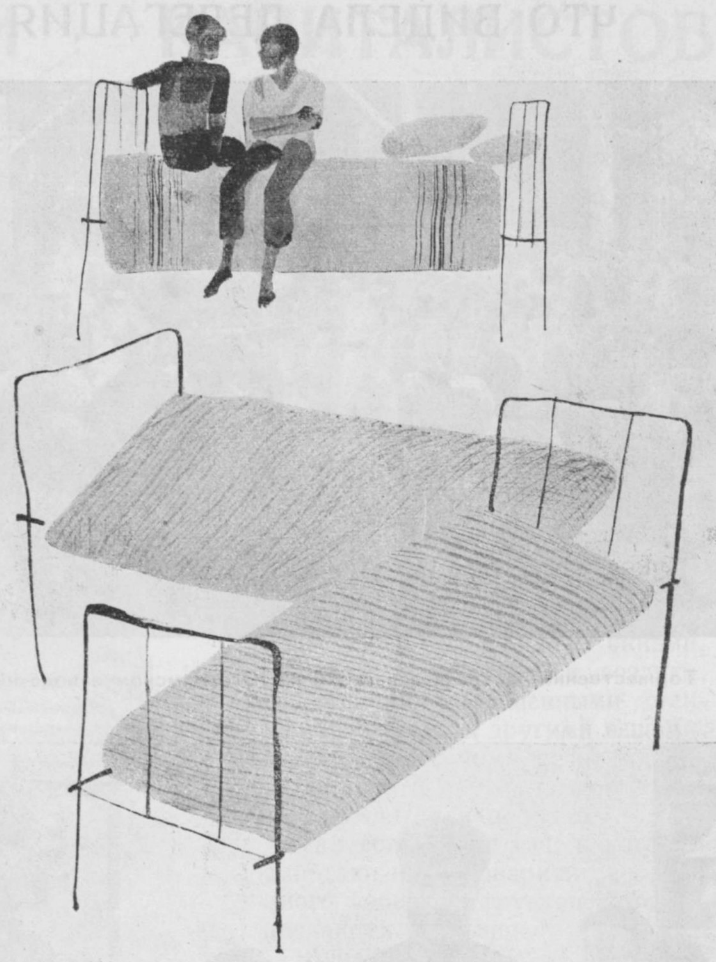
— Я помню,—рассказывал другой старый «мопс»,—когда я пришел в «Мопшку» в 19-м году, ребята нагрузили меня кипой сукна: «из этого, мол, сшей себе одеяло, а из этого—штаны». Я тут же спутал, что было на одеяло и что на штаны, да и вообще ни черта не понимал в этом деле, и сидел в полном унынии с ножницами в руках. Из беды выручила Таня Чирикова: она взялась за дело, как опытная портниха, и я сам удивился, какое это простое и заурядное дело сшить—штаны. Это, конечно, пустяк. Таких пустяков у нас было много. Нужно было бороться с большими трудностями, и мы все друг другу помогали, друг за друга головой стояли. Теперь нередко спрашивают: «Почему у вас в «Мопшке» такие хорошие товарищеские отношения между ребятами и девчатами, а в других школах далеко не так?»—А вот почему. Эти отношения создались там, в Успенском, когда мы вместе организовывали, вместе отстаивали нашу школу и привыкли смотреть на девчат, как на славных товарищей... Это в «Мопшке», я думаю, останется навсегда!

Громкие аплодисменты подтверждают эти слова.

На трибуну входит один из самых младших «мопсов», ученик 5-й группы.

— Вы знаете, что мне больше всего нравится в «Мопшке»,—говорит он,—это то, что эта школа не Моисея Михайловича (заведующий), не других учителей, а наша, наша собственная...

Вот где тайна «Мопшки». Вот почему все «мопсы» без ума от своей

У нас было 50 кроватей, 30 тюфяков, 15 подушек, 5 одеял и... заведующий

«Мопшки». Они чувствуют, что школа живет и растет их трудом, их организацией, их дисциплиной.

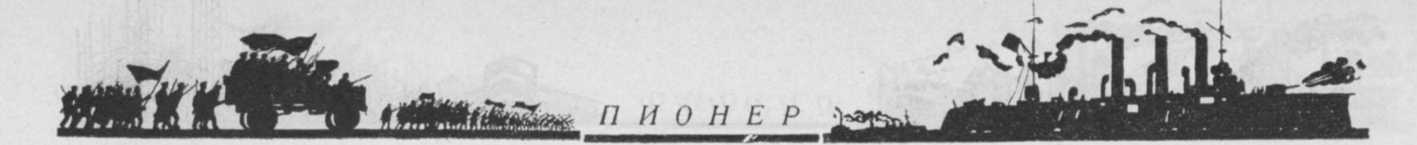
— И еще мне нравится дух общественности в «Мопшке»,—продолжает «маленький мопс» бойко и уверенно,—будь ты маменькин сынок, бузотер, или лентяй, здесь тебя возьмут в руки—и не оглянешься, станешь совсем другим...

Такова «Мопшка».

В 20-м году «Мопшка» разделилась на две параллельные школы: одна поселилась в Москве и приняла производственный уклон, другая была приспособлена для крестьянских детей—в «Липовке» под Москвой.

Обе школы сохраняют тесную связь между собой. А в прошлом году в здании «Мопшки» появились совсем маленькие, бойкие «мопсы». Создалась первая группа первой ступени.

ЧТО ВИДЕЛА ДЕЛЕГАЦИЯ В СОВЕТСКИХ ШКОЛАХ

Торжественная встреча делегации на Юго-Камском заводе на Урале

Делегация французских пионеров у т. Буденного

ЧТО МЫ ВИДЕЛИ

Мы сразу увидели огромную разницу, которая существует между французской и русской школой. В французской буржуазной школе подготовляют будущих рабов и людей, довольных режимом капитализма.

Наоборот, в школах Советского Союза подготовляют борцов, которые не допустят возврата к капитализму.

Все делается, чтобы активность детей стала наиболее высокой. Пионеры — члены коллектива. Дисциплина основана у них на самоуправлении. Детей приучают во всем к коллективному труду.

Они помогают крестьянским ребятам в их работе.

Пионеры ведут большую работу в школе: они заботятся о гигиене и чистоте, ведут большую кампанию за горячие завтраки в школе.

Сами уроки в школе чередуются с отдыхом, переменками в 10 минут после каждого 45-минутного урока, и кроме того существует одна большая перемена в 20 м.

Учителя здесь—лучшие друзья учащихся. В здешних школах учат только полезному, например: изучают жизнь деревни; как и почему бывает буржуазный строй.

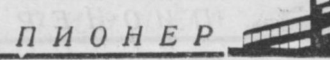
Вот как строится самоуправление в школе: общее собрание учащихся избирает школьный совет, как бы исполнительный комитет школы. Кроме того существуют 3 комиссии: хозяйственная, культурно-просветительная и санитарная.

Мы ясно видим, что советская школа глубоко отличается от буржуазной школы Франции, но мы твердо верим, что настанет день, когда эта разница исчезнет, и дети Франции будут, подобно своим русским товарищам, сами строить свою школу.

Делегация

Французский пионер говорит речь в г. Свердловске. Снимок деткора В. Старикова

В СТРАНАХ ВЛАСТИ КАПИТАЛИСТОВ

Полиция разгоняет демонстрацию ребят г. Пассаика (Сев.-Амер. Соед. Штаты), во время забастовки текстильщиков. Посредине полицейский с резиновой палкой

Пирамида пионеров из детского дома Межрабпома (Германия), изображающая первые буквы International Arbeiter Hilfe— международная рабочая помощь

Дорогие товарищи!

С большим удовольствием получили мы от вас письмо и братский привет.

В начале Международной Детской Недели мы участвовали в большом праздновании, которое было 15 мая в коммунистическом детском доме в Виллет-Озольне. Раньше там жили богачи, а теперь живут дети рабочих, убитых на войне.

Тов. Дюпон, заведующий домом, обратился с речью ко всем присутствовавшим рабочим, в которой просил поддерживать работу «Социалистического Будущего».

Мы слышали революционные песни, видели революционную пьесу, сочиненную русским писателем, после этого воспитанники исполнили танец «Карманьолу» в красных бумажных костюмах, которые они сами сделали.

Мы видели классную комнату. Она очень большая, с окнами, дающими много свету и воздуха, со стенами, украшенными стенными газетами и другими вещами, сделанными самими ребятами.

Спальни и другие комнаты также находятся в порядке.

Там есть также сад, в котором работают наши товарищи. Он дает много овощей и фруктов, которые продаются на рынок.

18 мая некоторые из нас были в Париже на первом совещании активных пионеров. Это совещание было устроено, чтобы сблизить в работе все наши группы.

Мы делаем также стенную газету к 10-летию русской пролетарской революции.

Пишите нам о том, какие улучшения в жизнь детей рабочих принесли 10 лет власти советов.

К борьбе за рабочее дело всегда готовая группа им. Эдварда Ваяна.

Франция, департамент Сены, Альфоршвилль

Внизу слева—встреча на вокзале в Берлине делегатов немецкой детской делегации, приехавших из СССР. Наверху—в немецкой школе: один из любимых приемов обучения буржуазных учителей. В середине—10-летний мальчик зарабатывает себе на жизнь перетаскиванием ящиков. Внизу — маленький газетчик в Германии

Оркестр пионеров г. Гамбурга (Германия)

В ПОМОЩЬ ШКОЛЕ

ОПЫТЫ ПО ТЕПЛОТЕ

С. БАРАНОВ

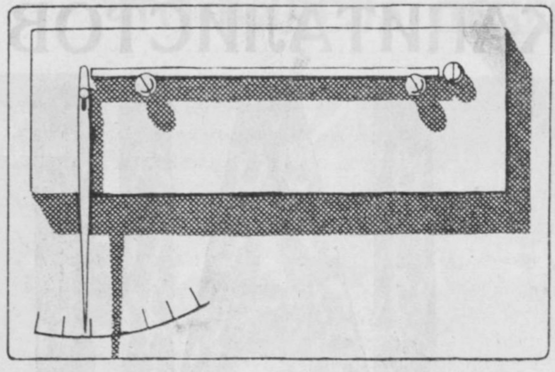

Рис. 1

Почему летом рельсы не в'езжают в вокзал?

— Когда Октябрьская железная дорога короче: зимою или летом?

— Разве она не всегда одинаковой длины?

— Вот то-то, что нет: летом рельсы расширяются и удлиняют дорогу, а зимой все тела сжимаются, и дорога укорачивается.

— Не может быть! И на много?

— Вся дорога метров на тридцать, даже немного больше.

— Вот так штука! Прямо не верится.

— А ты проверь. Это не трудно. Сделаем-ка простой приборчик и проделаем быстрый опыт. Для этого нужно раздобыть отрезок (лучше подлиннее— с полметра) толстой железной или медной проволоки, длинную иголку, три гвоздя и доски немного длиннее, чем проволока.

Укрепим доску на стене; у одного ее конца привесим иглу, продев в ее ушко тонкую булавку, так, чтобы иголка свободно кончалась. Теперь вобьем два гвоздя, чтобы на них положить отрезок проволоки; одним концом придвинем ее к верхнему краю игольного ушка, в ы ш е булавки, на которой висит игла; третий гвоздь надо аккуратно вбить таким образом, чтобы отрезок проволоки другим концом вплотную в этот гвоздь упирался. Около конца иглы наклеим на стену бумажку с делениями, как изображено на рис. 1. Игла висит прямо вниз. Стоит теперь подогреть проволоку, быстро водя огнем вдоль ее, как мы заметим, что острие иголки начнет двигаться, проходить деления: проволока, нагреваясь, расширяется, давит на верхний конец иглы и заставляет ее поворачиваться. Остановите нагревание— игла быстро придет в свое нормальное положение.

При чем же тут Октябрьская дорога?

Рельсы ведь тоже нагреваются летом, а нагреваясь, расширяются; зимой, наоборот, суживаются. При нагревании на один градус рельс удлиняется на одну стотысячную своей длины; при 25⁰ мороза рельс уменьшается на 25 стотысячных, при 30⁰ тепла удлиняется на 30 стотысячных, то-есть всего длина изменится (сравнивая лето и зиму) на 55 стотысячных. Если умножить весь путь в 640 км. на $\frac{55}{100.000}$, то получится разница в 35 метров!

Инженеры при постройке дороги знали, что такое явление будет случаться; ч т о б ы рельсовый путь не изменял длину, они оставили между рельсами «зазоры» (вы заметили, что рельсы не плотно упираются при «стыках»?): каждый рельс расширяется, как проволока в нашем опыте, и заполняет зазоры, не удлиняя всего пути—рельсы дороги летом ведь не упираются в вокзал.

Подышите на термометр

Наш простой опыт показал нам, что проволока расширяется при нагревании. Это—твердое тело. А расширяется ли жидкость от нагревания? Это легче всего проверить. Возьмите самый обыкновенный термометр («градусник»): в узенькой запаянной трубке налита или ртуть или подкрашенный краской спирт. Зажмите в руке шарик термометра или подышите на него. Столбик быстро начнет подниматься. Что же с ним случилось? Жидкость в термометре нагрелась под влиянием теплоты руки или от теплого дыхания, она расширилась, увеличилась в об'еме и заняла больше места в трубке, поднявшись вверх. Жидкость тоже расширяется от тепла и даже больше, чем многие твердые тела, чем стекло, например. Если бы стекло сильно расширялось, то при нагревании термометра его стеклянная оболочка увеличивалась бы в об'еме, спирт или ртуть, конечно, тоже, но увеличение об'ема стекла могло бы быть настолько больше, что спирт или ртуть, расширившись меньше, чем увеличился об'ем сосуда, упала бы, а не поднялась вверх. Но этого не случается: стекло расширяется значительно меньше.

Не только жидкости—газы тоже расширяются. Возьмите, раздобыв откуда-нибудь, тонкую стеклянную трубку, пробуравьте в пробке для нее дырку и вставьте в небольшую бутылку из-под лекарства. Налейте в нее до самого верху воду, подкрашенную какой-нибудь краской из вашего акварельного ящика. Такой прибор изображен на рис. 2. Вода в трубке и в бутылке на одном уровне. Зажмите бутылку рукой: вода немедленно поднимется по трубке и даже выльется из нее. Но тут расширяется не столько вода, сколько воздух в банке над ней: воздух расширяется и давит на воду, которая взбирается по трубке.

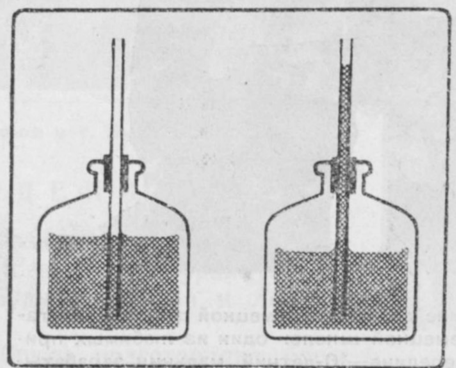

Рис. 2

Какие стаканы прочнее—толстые, или тонкие?

Эти явления имеют большое значение в нашей жизни. Видели вы тарелки или посуду, которая покрыта множеством мелких трещин? Это бывает с той посудой, которая поверх глины или фарфора (или эмалированная—металлическая с эмалью) покрыта «глазурью». В посуду часто наливают горячую воду или в горячей воде моют: она быстро нагревается—и фарфор (или глина и глазурь) тоже. Но одинаково ли они расширяются? Не всегда. Поэтому, когда фарфор расширяется быстрее или сжимается быстрее, глазурь трескается. Оттого же лопаются стаканы, когда в них быстро наливают кипяток: внутренние слои стекла быстро расширяются и давят на внешние—раздается треск, и хрупкий стакан трескается. Поэтому тонкие стаканы прочнее: они быстрее и равномернее прогреваются и равномерно расширяется все стекло, без давления одних слоев на другие.

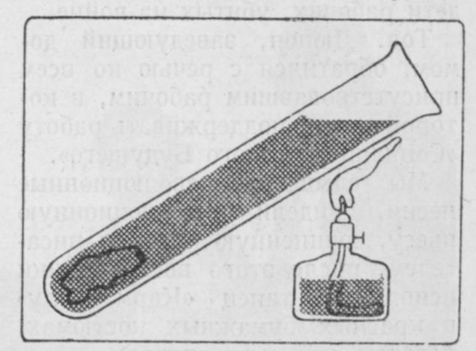

Рис. 3

Лед в кипящей воде

Вот еще очень важное и интересное соображение и занятные опыты. Представьте себе, что в сосуд налита холодная вода и занимает его до черточки, которую вы начертили на стекле. Нагрейте воду—она перешла черту: то же самое количество воды занимает теперь больший об'ем. Значит в сосуде д о ч е р т ы воды стало меньше и, если бы это количество (до черты) свешать, оно было бы легче, чем все количество, так как выше черты вода тоже что-нибудь да весит. Понятно? В одной и той же бутылке об'ем воды одинаков, когда бы ни измерить, а ко-

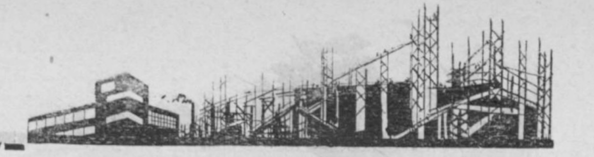

Рис. 4

личество ее (вес) различны, в зависимости от того, нагрета вода или нет; нагретая легче, чем холодная в том же об'еме. Поэтому, когда воду кипятят, подогревая снизу, теплая, как более легкая, поднимается наверх, а холодная остается внизу. Если сверху нагревать воду, то она очень долго, но прогревается; если в пробирке навать воду как показано на рис. 3, то вода внизу останется холодной даже и тогда, когда верхняя часть закипит. На дне кусочек льда может даже остаться не растаявшим.

В керосиновой лампе горит керосин или?..

Воздух, нагретый тоже стремится вверх: все видели, как воздух в поле, на берегу моря или у крыш, нагреваемых солнцем, струится вверх. На этом основании тяга в печках: когда зажигаются дрова, нагреваемый воздух в трубе стремится вверх, а холодный его замещает снизу. Без этого не горела бы керосиновая лампа: без стекла лампа не горит, а коптит, не давая света; стоит одеть стекло, как нагретый воздух, направляемый прозрачной трубкой, устремляется вверх, тянет из фитиля пары керосина, который горит ровным ярким пламенем; пламя горит не у самого фитиля, а немного выше—горит не мокрый в керосине фитиль и не сам керосин, а его пары, вытягиваемые, как говорят, «током» воздуха. Сделайте опыт—и «ток» воздуха может стать «видимым». Вырежьте из тонкой жести кружок; в центре сделайте углубление легким ударом острия гвоздя (не насквозь), надрежьте кружок по черным линиям и сделайте мельничку. Если ее на проволочке поместить над лампой, она быстро завертится: теплый воздух быстро выходит из стекла и вертит мельничку (рис. 4).

ФИЗКУЛЬТУРА ПАЛЬЦЕВ

На долю пальцев всегда приходится наиболее тонкая, сложная и требующая их гибкости работа, чем на другие органы человеческого тела. Поэтому они должны быть хорошо развиты. Ниже помещается несколько упражнений для развития гибкости пальцев, которые надо проделывать каждый день пальцами как правой, так и левой руки.

1) Держать вертикально совершенно открытую руку и прижать друг к другу все пальцы; отодвинуть в сторону большой так, чтобы он был в одной плоскости с рукой; медленно двигать им взад и вперед, как маятником, приближаясь каждый раз до $^2/_3$ ладони и удаляясь как можно дальше.

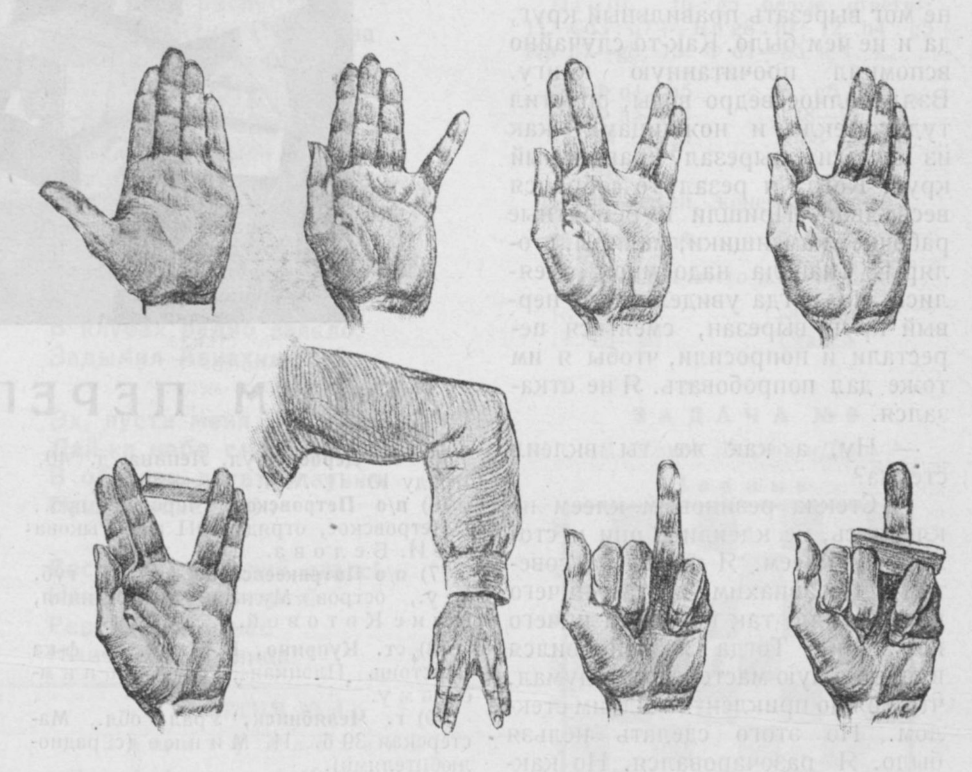
2) Прижмите большой палец к указательному и двигайте мизинцем параллельно руке, чтобы мизинец как можно дальше удалялся от большого пальца, а потом плотно прижимался к нему.

3) Проделайте то же самое упражнение, поместив с одной стороны второй палец и мизинец, а с другой—указательный и средний. Большой палец неподвижен.

4) Проделайте то же упражнение, но указательным пальцем и большим с одной стороны, и тремя другими пальцами—с другой.

5) Если пальцы туго повинуются этим движениям, их надо подержать некоторое время растянутыми с помощью небольшой дощечки.

6) После того, как эти упражнения проделаны пальцами вверх, а кистями вниз, упражнения производятся кистью вверх и пальцами вниз, держа при этом руку согнутой под прямым углом.

7) Плотно сожмите руку и выпрямляйте как можно больше каждый палец в отдельности.

8) Если это будет трудно, в особенности для среднего пальца и второго, на первых порах можно взять на помощь дощечку.

9) Последнее упражнение: держа руку вертикально, с сжатыми пальцами, заставьте каждый палец в отдельности двигаться по направлению к ладони.

КАК СТРОЯТ ПРОТИВОГАЗЫ

Сегодня суббота. Очередной сбор отряда, но не с обычной повесткой дня. Сегодня пионер пятого звена Козловский рассказывает, как он строил противогаз. Ребята с напряженным вниманием слушают об'яснения и пытливо до каждой мелочи рассматривают сделанный противогаз.

— Прочтя журнал «Пионер», решил построить противогаз,—рассказывает Козловский, — достал камеру, еще порванную в лагере, старую коробку из-под какао, обыкновенный древесный уголь, стекло.

— А кто тебе паял и клеил?— спрашивают ребята.

— Паять и клеить я не умел, но научился. Сначала я запаял дырявый таз, затем уже перешел к противогазу. Клеить также не умел. Пять раз клеил вот эту трубку и только на шестой раз вышел толк. Большая морока получилась со стеклами. Никак я не мог вырезать правильный круг, да и не чем было. Как-то случайно вспомнил прочитанную книгу. Взял полное ведро воды, опустил туда стекло и ножницами, как из бумаги, вырезал правильный круг. Когда я резал, то собрался весь двор. Пришли и ремонтные рабочие: каменщики, маляры, столяры. Сначала надо мной смеялись, но когда увидели, что первый круг вырезан, смеяться перестали и попросили, чтобы я им тоже дал попробовать. Я не отказался.

— Ну, а как же ты вклеил стекла?

— Стекла резиновым клеем не клеились, не клеились они и столярным клеем. Я пошел за советом в Осоавиахим, но там ничего не ответили, так как сами ничего не знали. Тогда я направился в стекольную мастерскую—думал, что можно приклеить жидким стеклом. Но этого сделать нельзя было. Я разочаровался. Но както случайно пришла в голову мысль, а что, если стекло будет держаться между двумя слоями резины. Попробовал. Держится великолепно.

— С углем как: ты его толок?

— Да нет, его толочь нельзя. Я разламывал его щипцами для сахара. На это у меня ушло несколько дней.

— Сколько дней ты делал противогаз?—интересуются ребята.

— Работал я над противогазом несколько месяцев.

— И все делал сам? Никто тебе не помогал?

— Мне никто не помогал. Правда, за всеми непонятными вопросами я обращался к папе. Папа мне все показывал и об'яснял. В школе мне учитель показал и об'яснил, как делать чертеж. Теперь я противогаз кончил и непременно его отправлю в Москву, авось, что-нибудь да и выиграю.

Ребята завистливо смотрят то на противогаз, то на Козловского. Многие из'являют согласие приняться за постройку противогаза. Весь отряд решает устроить техническую мастерскую, где будут работать по звеньям. Эта мастерская будет. Первые средства уже отпущены.

Л. Чудаков (п/вожатый)

г. Симферополь 9-й отряд при СНК Крыма

ХОТИМ ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ

75) **г. Дербент**, ул. Ленина, д. 40, отряду Ю. П. № 4.

76) **п/о Петровское**, Черепов. губ., с. Петровское, отряду ЮП им. Рыкова для И. Белова.

77) **п/о Патракеевское**, Арханг. губ. и у., остров Мудьюг, гиместанция, Нине Котовой.

78) **ст. Куприно**, Б.-Б. ж. д., ф-ка «Пустошь Плоцкая», Б. Слонимскому.

79) **г. Челябинск**, Урал. обл., Мастерская 39 б., И. Минко (с радиолюбителями).

80) **г. Боровск**, Калужск. губ., отряд ЮП при Рощинском детдоме.

81) **с. Ворсма**, Нижегор. губ., Павловск. у., Никольская ул., Г. М. Савину.

82) **г. Лебедянь**, Тамбов. губ., Советская ул., д. 13, Н. Матюнину.

83) **Мар. авт. обл.**, Сернурский кант., Р. Шойская школа-семилетка, М. Куклиной и В. Черновой.

84) **г. Конотоп**, Загребеле, Рабоче-Крестьянская ул., д. 12, П. Клинко.

85) **ст. Двойная**, Сев.-Кав. края, Сальск. окр., А. Кашкину.

86) **г. Баку**, ул. Карганова, д. 99, кв. 14, М. Гельман.

87) **г. Дербент**, ул Ленина, д. 53, А. Ханукаеву.

88) **г. Буйнакск**, Пионерская ул. д. 19, детдом № 7 (4), К. Эриванцеву.

89) **ст. Варташен**, Нух. у., м. Тавризян, для отряда ЮП № 1.

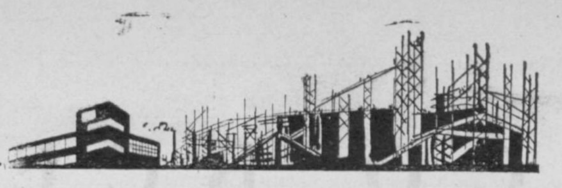
90) **С.-Двинская** губ., Опаринск. р., Шадринский отряд ЮП, Г. Зайкову и Ф. Бартеву.

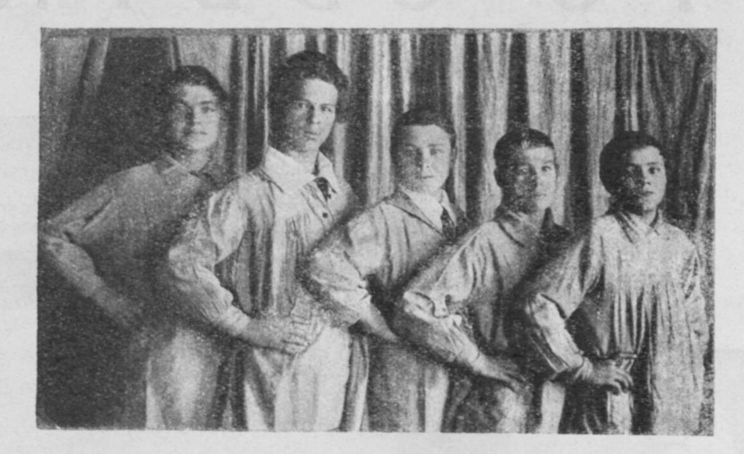
91) **г. Москва 66**, Гороховская, д. 8, кв. 11, А. Лукиной.

92) **г. Москва 66**, Гороховская, д. 8, кв. 21, Е. Михайловой.

93) **г. Чимкент**, Сыр-Дар. обл., ул. Гоголя, д. 3, А. Горбачевой.

КРАСНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Юбилейные частушки

ВАДИМ БАЯН

Разгармонивай, ребятки,
Что советы сделали,
Как покончили мы схватки
С господами белыми.

С той поры, как сковырнули
Старое правительство,
По Союзу развернули
Новое строительство.

Перекликнулись заводы,
Загудели фабрики,
Взвились в небо самолеты –
Красные кораблики.

Развернули физкультуру,
Электрификацию,
Многопольную культуру
И кооперацию.

Подтянули всюду гайки,
Понастроили домов,
Провели повсюду спайки
Деревень и городов.

За рога берем науку,
Разбудили молодежь,
И пошла работа в руку—
Комсомол шумит, как рожь.

Поднажали все пружины,
Ходит в школу детвора.
На току гудят машины.
В поле пашут трактора.

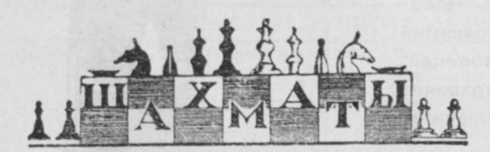
Притушили разгильдяйство
И по всей республике
Для поднятия хозяйства
Покатили рублики.

Чтоб не взяли нас бароны
В бомбы, газы и штыки,
Мы идем для обороны
Все в стрелковые кружки.

В общем дело закипело.
Не шагаем, а летим!
В клубах радио запело,
Задымил Авиахим.

Эх, пусти меня за тучи,
Дай-ка небо смеряю!
В облаках летать научим
Нашу пионерию!

Веселись, рабочий класс!
Нечего кручиниться!
Революция у нас
Нынче именинница!

Наших читателей, конечно, интересует развитие шахматной игры среди рабочей молодежи других стран. Следующая небольшая, но интересная партия показывает, как играют в берлинском рабочем клубе.

ПАРТИЯ № 4

Защита Алехина

Белые—**Фогт** Черные—**Остен**

1. e2—e4 Кg8—f6

Этот ответ черных носит название «защиты Алехина», известного шахматиста нашего времени, который часто и с успехом применял ее.

2. e4—e5 Кf6—d5
3. К b1—c3 . . .

Здесь белые обычно играют 3. c2—c4, Кd5—b6; 4. d2—d4, получая пешечный центр. Впрочем, разбить этот центр нетрудно, и поэтому нельзя утверждать, что это продолжение является самым сильным.

3. e7—e6
4. d2—d4 Cf8—e7
5. f2—f4 Кd5 : c3+

Это плохо. Следовало разбивать центр белых, играя d7—d6, c7—c5 или f7—f6.

6. b2 : c3 O—O
7. Кg1—f3 d7—d5?

Опять ошибка. Надо было играть d7—d6. Теперь пешка e5 будет все время давить на позицию черных.

8. Cf1—d3 c7—c5
9. h2—h4 . . .

Белые уже начинают атаку на неприятельского короля.

9. . . . f7—f6

Если черные сыграют, как они собирались (судя по их 8-му ходу), c5—c4, то белые ответят: 10. Cd3 : h7+, Кр g8 : h7; 11. Кf3—g5+, Ce7 : g5; 12. h4 : g5+, Крh7—g8; 13. Ф d1—h5 и мат через несколько ходов.

10. К f3—g5! h7—h6

На 10... f6 : g5 белые ответят: 11. Cd3 : h7+, Кр g8 : h7; 12. h4 : g5+, Кр h7—g8; 13. Ф d1—h5 и т. д.

11. Ф d1—h5 f6 : g5
12. Ф h5—g6 Л f8—f5
13. h4 : g5 К b8—c6
14. g2—g4 C c8—d7

Уйти ладьей, конечно, нельзя.

15. Л h1 : h6 C e7—f8

Освобождая место для короля.

16. g4 : f5 e6 : f5
17. e5—e6 Сдался

ЗАДАЧА № 9

Е. Умнов (Ростов н/Дону)

Черные

a b c d e f g h

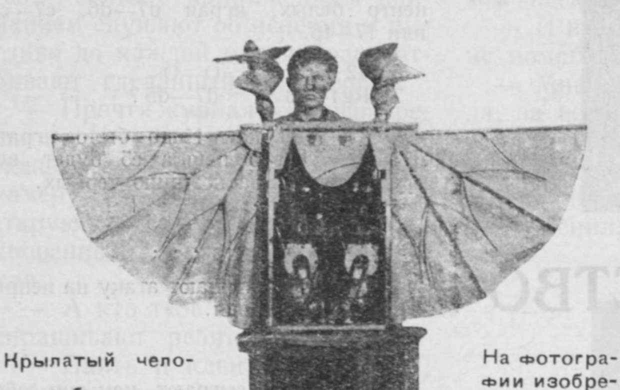
Белые

Белые: Кр g5, Ф a2, C c5, Кd4, п e2.
Черные: Кр e5, п b7, d5.

Белые дают мат в 2 хода

СО ВСЕГО СВЕТА

ЛЕТАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Крылатый человек изобретен инженером Антоном Лютцем в Вене. Изобретен, конечно, не человек, а аппарат, который особым винтом прикрепляется к маленькому мотору и человеческому телу.

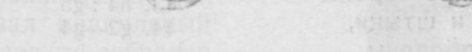
ЧЕЛОВЕК-ЛОДКА

На фотографии изобретатель с аппаратом

Более простое, но очень остроумное изобретение. Это — резиновый костюм. Запасшись веслами, изобретатель Ван Тейлор переплыл бухту Сан-Франциско (4 мили) в 50 минут.

ДЕТИ ШОФЕРЫ

Больше 130 километров в час на детском автомобиле. Эти маленькие автомобили, игрушечные на вид, оказывается, могут поспорить с любым поездом. На фотографии изображены эти автомобили с ребятами-шоферами на гонках.

БЕСШУМНАЯ УЛИЦА

По вымощенной резиной улице бесшумно передвигается бесчисленное множество автомобилей. Мостить улицы резиной не только удобней, но и дешевле, чем асфальтом. На снимке одна из лондонских улиц, которую в виде опыта мостят резиновыми шашками.

ЧЕЛОВЕК ПОД ЗОНТИКОМ

Этот толстый человек под зонтиком сидит на перекрестке больших улиц в Гонолулу, затерянном в Тихом океане. Человек, размахивающий руками — полицейский, он управляет уличным движением.

№ 50 ЗАДАЧА БУКВ

Даны числа: 25, 21, 28, 25, 37, 21, 23, 38, 39, 23, 40, 26, 39, 25, 26, 38, 51, 39, 21, 51, 24, 35, 25, 35, 23, 46, 29, 34, 21, 35, 31, 39, 51, 26, 37, 51.

Предлагается одно из чисел разделить на 2 и полученное частное вычесть из каждого числа в отдельности.

Остатки чисел заменить буквами, соответственно местам их в азбуке, после чего должен получится лозунг.

№ 51 ХОД КОНЯ

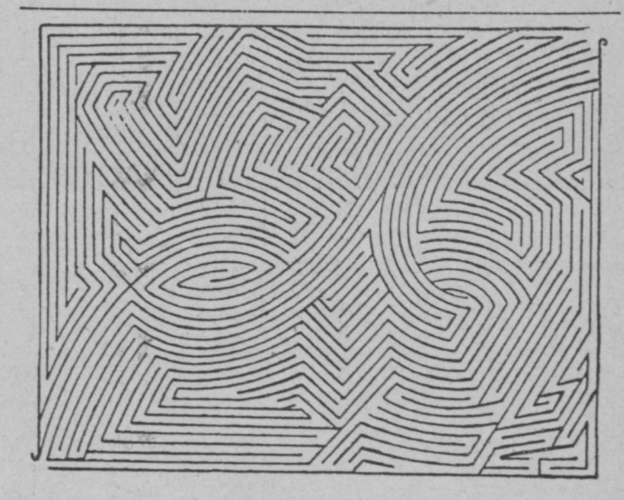
Ходом коня предлагается прочитать лозунг

			ц	щ	з								
			м	ж	и	и	и	а	п	ы			
		ю	в	е	а	о	и	н	н	щ	о		
	о	а	д	в	т	и	о	л	н	д	о	д	д
	л	о	о	ч	д	н	и	ч	к	в	е	е	к
	и	д	т	я	о	а	м	ь	а	и	о	в	н
	с	о	г	е	р	ц	д	ц	и	б	и	т	
	о	п	д	к	о	н	т	е	г	о	е	и	
и	в	и	л	о	о	т	а	о	о	л	я	л	
г	е	а	с	л	е	и	о	о	й	р	д	д	
е	г	й	р	д	и	е	д	м	к	е	ь	б	
		р	о	а	т	о	и	в	м	е	ь		
			о	й	т	в	я	к	м	с			
								т	с	с			

№ 52 ЗАДАЧА

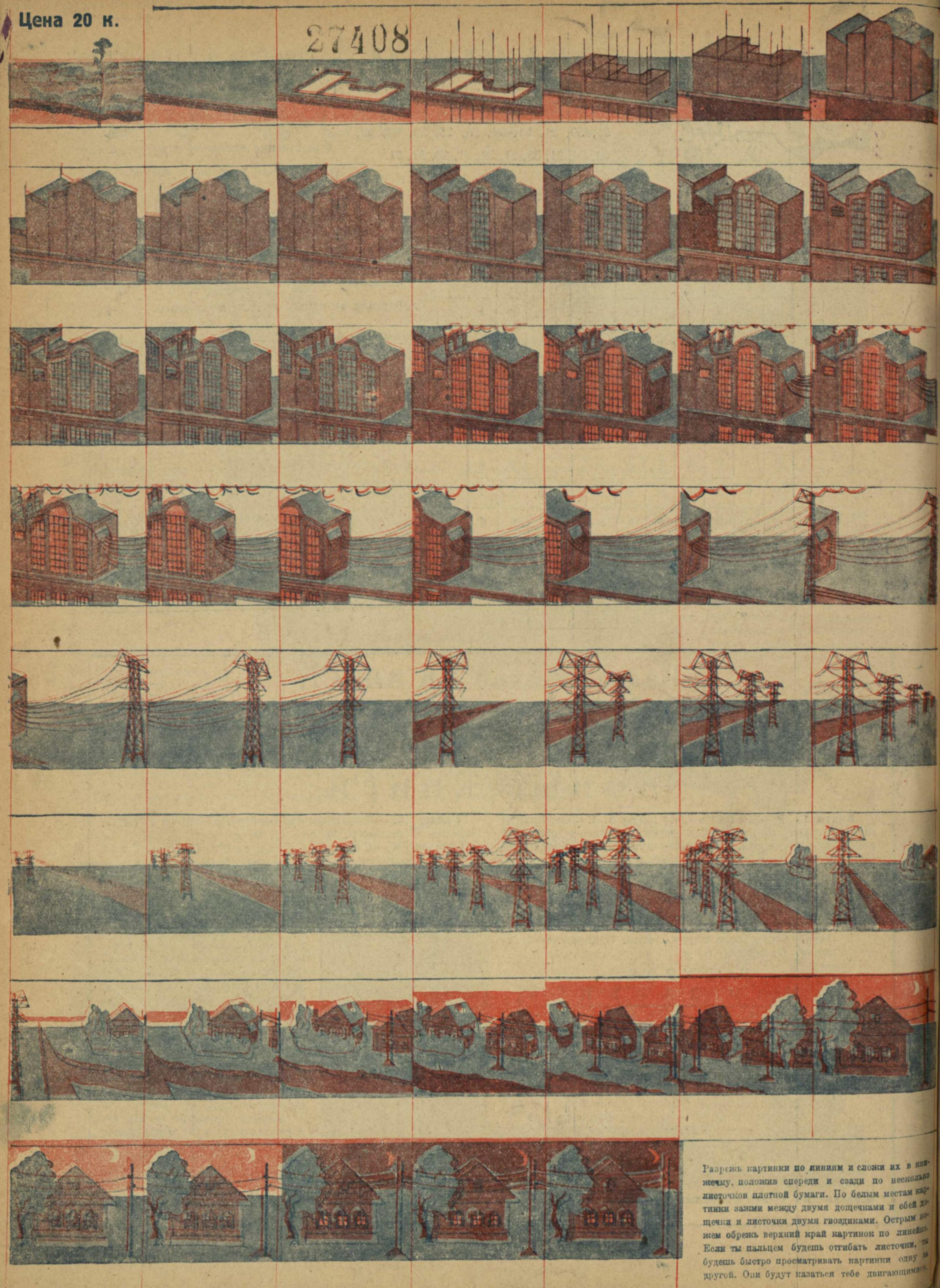
Лабиринт

Предлагается найти единственный путь в этом лабиринте от одного выхода до другого.

Цена 20 к.

27408

Разрежь картинки по линиям и сложи их в книжечку, положив спереди и сзади по несколько листочков плотной бумаги. По белым местам картинки зажми между двумя дощечками и сбей дощечки и листочки двумя гвоздиками. Острым ножем обрежь верхний край картинок по линейке. Если ты пальцем будешь отгибать листочки, ты будешь быстро просматривать картинки одву за другой. Они будут казаться тебе двигающимися.